

**ГЕРХАРД
ГАУПТМАН**

ТКАЧИ

Герхард Гауптман

Ткачи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25384941

Аннотация

«Просторная, оштукатуренная в серый цвет комната в доме Дрейсигера в Петерсвальдене. Помещение, где ткачи сдают готовый товар. Налево – окна без занавесок, на заднем плане стеклянная дверь, такая же дверь направо; в последнюю непрерывно входят и выходят ткачи, ткачихи и дети. Вдоль правой стены, которая, как и другие стены, в большей своей части заставлена подставками для развешивания нанки, тянется скамейка; на ней вновь приходящие ткачи раскладывают свой товар для проверки. Приемщик Пфейфер стоит за большим столом, на котором каждый ткач разворачивает принимаемый товар. Пфейфер рассматривает ткань лупой и меряет ее циркулем. Когда это исследование кончено, ткач кладет нанку на весы и конторский ученик проверяет ее вес. Сняв с весов, ученик кладет товар на полки, служащие складочным местом для принятого товара. После каждой приемки приемщик Пфейфер громко выкликает, сколько денег должен уплатить рабочему кассир Нейман...»

Содержание

Действие первое	4
Действие второе	26
Действие третье	50
Действие четвертое	80
Действие пятое	107

Герхарт Гауптман

Ткачи

Драма из сороковых годов в 5-ти действиях

*Моему отцу Роберту Гауптману посвящаю я
эту драму.*

*Милый отец, если я посвящаю эту драму тебе,
это продиктовано чувствами, которые ты знаешь
и о которых здесь нет нужды распространяться.*

*Твой рассказ о дедe, который в юности бедным
ткачем, как изображенные здесь, сидел за ткацким
станком, послужил зерном моего произведения, и,
способно ли оно к жизни или сердцевина у него
гнилая, оно является лучшим, что может дать
«такой бедняк, как Гамлет».*

Твой Герхарт

Действие первое

Лица первого действия

Группа фабрикантов.

Дрейсигер, владелец канатной фабрики.

Пфейфер, приемщик; Нейман, кассир; Ученик – служащие у Дрейсигера.

Группа ткачей.

Бекер.

Старый Баумерт.

Рейман.

Гейбер.

Первый ткач.

Первая ткачиха.

Старый ткач.

Мальчик.

Ткачи и ткачихи.

Просторная, оштукатуренная в серый цвет комната в доме Дрейсигера в Петерсвальдене. Помещение, где ткачи сдают готовый товар. Налево – окна без занавесок, на заднем плане стеклянная дверь, такая же дверь направо; в последнюю непрерывно входят и выходят ткачи, ткачихи и дети. Вдоль правой стены, которая, как и другие стены, в большей своей части заставлена подставками для развешивания нанки, тянется скамейка; на ней вновь приходящие ткачи раскладывают свой товар для проверки. Приемщик Пфейфер стоит за большим столом, на котором каждый ткач разворачивает принимаемый товар. Пфейфер рассматривает ткань лупой и меряет ее циркулем. Ко-

гда это исследование кончено, ткач кладет нанку на весы и конторский ученик проверяет ее вес. Сняв с весов, ученик кладет товар на полки, служащие складочным местом для принятого товара. После каждой приемки приемщик Пфейфер громко выкликает, сколько денег должен уплатить рабочему кассир Нейман.

Жаркий день в конце мая. Часы показывают полдень. Большинство толпящихся ткачей имеют вид, словно они стоят перед каким-то судилищем и с мучительной тревогой ожидают, что оно им присудит – жизнь или смерть. В то же время на их лицах лежит отпечаток какой-то подавленности; то же бывает на лице нищего, который живет подачками и, переходя от унижения к унижению, в постоянном сознании, что его только терпят, привык съезжиться до последней возможности. Ко всему этому присоединяется раз навсегда застывшая на лицах черта тяжелого, безвыходного раздумья. Мужчины все более или менее похожи друг на друга; это недоразвившиеся, низкорослые, сухопарные, большей частью узкогрудые, покашливающие, жалкие люди с грязновато-бледным цветом лица – настоящие созданыя ткацкого станка; их колени искривлены вследствие постоянного сидячего положения. Их жены с первого взгляда менее типичны; они имеют неряшливый, распущенный, измученный вид, тогда как мужчины все же сохраняют известное, хоть и жалкое, достоинство. Женщины одеты в лохмотья, одежда мужчин заштопана и заплатана

на. Некоторые молодые девушки не лишены миловидности: это хрупкие создания с восковым цветом лица и с большими грустными глазами.

Кассир Нейман (*считая деньги*). Следует получить шестнадцать зильбергрошей.

Первая ткачиха (*женщина лет тридцати, очень истощенная, собирает деньги дрожащими руками*). Покорно благодарим.

Нейман (*видя, что женщина не уходит*). Ну, еще что? Опять что-нибудь неладно?

Первая ткачиха (*взволнованным, умоляющим голосом*). Хоть бы несколько пфеннигов вперед, в счет работы. Уж очень они мне нужны.

Нейман. Мало ли что кому нужно! Мне вот нужно несколько сот талеров. (*Начинает отсчитывать деньги другому ткачу, коротко.*) Выдать или не выдать вперед – это дело г[осподи]на Дрейсигера.

Первая ткачиха. Так нельзя ли мне самой поговорить с г[осподи]ном Дрейсигером?

Приемщик Пфейфер (*бывший ткач. Некоторыми своими чертами он еще напоминает рабочего. Но он хорошо упитан, чисто одет, руки у него выхолены, лицо гладко выбрито. Он часто нюхает табак. Кричит грубым голосом.*) Господину Дрейсигеру и без вас делов по горло. Некогда ему заниматься такими пустяками. На то мы здесь. (*Меряет цир-*

кулем и смотрит в луну.) Господи! Вот сквозняк-то! (Он заворачивает себе шею толстым шарфом.) Эй вы, кто входит, запирайте двери!

Ученик (громко Пфейферу). Для них наши слова – что об стену горох.

Пфейфер. Готово, на весы.

Ткач кладет ткань на весы.

Не мешало бы лучше знать свое дело. В ткани узлов не оберешься, уж я смотрю сквозь пальцы. Разве порядочный ткач так делает?

Бекер (входит. Это молодой, очень сильный ткач; манеры у него развязные, почти дерзкие. Пфейфер, Нейман и ученик при его входе перекидываются многозначительными взглядами). Эх, беда! Пропотел до седьмого пота!

Первый ткач (вполголоса). Ну, быть ненастью!

Старый Баумерт (протискивается через стеклянную дверь. За дверью виднеются ожидающие ткачи; они стоят тесной толпой, прижавшись один к другому. Старик, прихрамывая, пробирается вперед и кладет свою ношу на скамью рядом с Бекером. Он садится тут же и утирает пот с лица). Ох, теперь можно и отдохнуть.

Бекер. Да, отдых слаще денег.

Старый Баумерт. Ну, я и от деньжат бы не отказался. Здорово, Бекер!

Бекер. Здорово, дядя Баумерт! Нам опять придется ждать здесь до второго пришествия.

Первый ткач. Они с нами не церемонятся. Велика птица ткач. Ткач и час подождет, и день подождет.

Пфейфер. Эй, тише вы там! Собственного своего слова не слышать.

Бекер (*тихо*). Он сегодня, кажется, опять не в духе.

Пфейфер (*стоящему перед ним ткачу*). Сколько раз я говорил: нужно работать чище. Что это за грязь? Тут и солома, и узлы в целый палец длиной, и еще какая-то дрянь.

Ткач Рейман. Чтобы узлы выковыривать, надо бы дать нам новые щипчики.

Ученик (*взвешивает товар*). Есть нехватка и в весе.

Пфейфер. Ну уж и ткачи нынче пошли! Гроша медного не стоят. Да, господи Иисусе, в мое время не то было. Мне бы попало от мастера за такую работу. На такую работу тогда бы и смотреть не стали. В те времена нужно было знать свое ремесло. Теперь этого больше уже не требуется. Рейману десять зильбергрошей!

Ткач Рейман. Ведь фунт полагается на утерю.

Пфейфер. Мне некогда, довольно! А тут что такое?

Ткач Гейбер (*развертывает свой товар. В то время, как Пфейфер рассматривает ткань, Гейбер подходит и тихим, взволнованным голосом говорит ему*). Уж вы извините г[осподи]н Пфейфер, я осмеливаюсь покорнейше просить вас, окажите божескую милость, сделайте мне такое одолжение – не вычитайте с меня на этот раз то, что забрал вперед.

Пфейфер (*меряя и рассматривая в луну, говорит с*

усмешкой). Ну вот еще! Этого недоставало! Небось, целую половину вперед забрал.

Ткач Гейбер (*продолжая тем же тоном*). Я бы на той неделе с радостью все отработал. Да вот на прошлой неделе мне пришлось два дня отбывать барщину. А тут еще жена лежит больная...

Пфейфер (*кладет работу Гейбера на весы. Рассматривая новый кусок ткани*). И эта работа никуда не годятся. Кромка ни на что не похожа: то узкая, то широкая. Что за безобразие! Здесь уток стянут, там прибавлено много лишнего. На дюйм не приходится и семидесяти ниток. Где же остальные? Разве это добросовестно? Нечего сказать, наработал!

Ткач Гейбер глотает слезы, стоит в приниженной и беспомощной позе.

Бекер (*вполголоса Баумерту*). Уж не прикажете ли и пряжу покупать на свой счет?

Первая ткачиха (*Во все время действия она не отходила от кассы и от времени до времени поглядывала вокруг и словно искала помощи. Собравшись с духом, она снова обращается к кассиру и умоляющим голосом просит его.*) Я же ведь скоро отработаю; уж не знаю, что со мной и будет, коли вы не дадите мне ничего вперед на этот раз. О господи-господи!

Пфейфер (*кричит на нее*). Это еще что за причитание? Оставь ты господа бога в покое. Ведь ты, небось, не больно-то много о нем думаешь! Лучше смотри за своим мужем, чтобы он не таскался по кабакам. Мы не можем дать ничего вперед. Ведь это не наши деньги. Ведь их с нас спросят. Кто работает прилежно, кто знает свое дело, кто живет богобоязненно, – тому не приходится забирать вперед. Вот тебе и весь сказ.

Нейман. Здешнему ткачу хоть вчетверо больше плати, все равно он вчетверо больше пропьет и еще долгов наделает.

Первая ткачиха (*громко, как бы требуя справедливости у всех присутствующих*). Уж говорите что угодно, а только я не лентяйка. Что ж поделаешь, коли моченьки нет. С меня уж два раза вычеты делали. О муже мне и не говорите: он в счет не идет. И то он уж ходил лечиться от запоя к церлаускому пастуху, да никакого толку из этого не вышло. Ничего с этим не поделаешь, когда человека к вину тянет... А мы работаем, сколько хватает сил. Мне уж которую неделю и задремать-то некогда... Все пойдет у нас на лад, лишь бы эту слабость проклятую из костей вон выгнать. Поймите же, господин, что и мне не сладко. (*Льстивым, заискивающим тоном.*) Уж я вас покорнейше прошу, будьте такие добрые, прикажите выдать мне и на этот раз несколько грошей вперед.

Пфейфер (*продолжая свое дело*). Фидлеру одиннадцать

зильберггрошей.

Первая ткачиха. Всего пару грошиков на хлеб! Пекарь в долг больше не дает. У меня ребят целая куча.

Нейман (*вполголоса напевает, обращаясь к ученику*). А ткачихе каждый год по ребенку бог дает, тра-ля-ля, тра-ля-ля.

Ученик (*кончая напев, к Нейману*). А ребенок вот какой: целых шесть недель слепой. Тра-ля-ля, тра-ля-ля.

Ткач Рейман (*не прикасаясь к деньгам, которые отсчитал кассир*). Позвольте-с, мы до сих пор всегда получали по одиннадцать с половиной за кусок.

Пфейфер (*кричит Рейману*). Если вы недовольны, Рейман, то вам стоит только сказать слово, и вы свободны. Вас насильно никто не держит. Ткачей и без вас много, а таких, как вы, – и подавно. Полная плата полагается только за полный вес.

Ткач Рейман. Неужто здесь не хватало в весе?

Пфейфер. Принесите кусок нанки без недостатков – и плата будет без вычета.

Ткач Рейман. Как? В моей работе много изъязнов? Этого быть не может.

Пфейфер (*продолжая рассматривать ткань*). Кто хорошо работает, тому хорошо и живется.

Ткач Гейбер (*Все время он стоял около Пфейфера, выжидая удобной минуты, чтобы заговорить с ним. При последних словах Пфейфера он улыбается и, выступив вперед,*

обращается к нему тем же тоном, как и первый раз.) Я бы желал покорнейше попросить вас, господин Пфейфер, будьте великодушны. Явите божескую милость, не вычитайте с меня на этот раз. Моя старуха с самого поста не встает с постели, скрючило ее совсем. Шпульницу нанимать приходится, ну и...

Пфейфер (*нюхает табак*). С вами одними мне заниматься некогда. Ведь и другие ждут.

Ткач Рейман. Видно, основа была такая. Что получил, то и натянул на станок, то и снял с него. Не могу я ее сделать лучше, чем она есть.

Пфейфер. Если вы не довольны основой, то и не приходите за ней. Вас, ткачей, тут достаточно. И без того много таких, которые, Христа ради, клянчат работы.

Нейман (*Рейману*). Ну, что ж? Берешь деньги?

Ткач Рейман. Я не могу помириться на этих деньгах.

Нейман (*не обращая никакого внимания на Реймана*). Гейберу десять зильбергрошей.

Ткач Гейбер (*подходит, смотрит на деньги, качает головой, как бы не веря своим глазам, потом медленно и обстоятельно прячет деньги*). Ох господи-господи (*вздыхает*), ох-ох-о-о...

Старый Баумерт (*наклоняясь к Гейберу*). Да-да, дядя Франц. Нашему брату только и остается, что вздыхать и охать.

Ткач Гейбер (*говорит через силу*). У меня дома дочурка

больная лежит. Скляночку лекарства надо бы принести...

Старый Баумерт. А что у нее болит?

Ткач Гейбер. Да так... она от роду была плохонькая... Я и сам не знаю... Ну, да уж тебе я, так и быть, скажу, она ребеночка родила. Ну, известное дело, какая у нас чистота. Вот с грязи-то она и хворает...

Старый Баумерт. У каждого что-нибудь да есть. Уж, где завелась бедность, там беда приходит за бедой. И удержу им нет, и передышки нет.

Пфейфер (*рассмотрев ткань Бекера, кричит*). Бекер! Тринадцать зильбергрошей.

Бекер. Это что ж за получка? Это жалкая милостыня!

Пфейфер. Кто получил деньги, уходи вон! Один здесь торчит, а другие с места не могут двинуться.

Бекер (*обращаясь к толпе, громким голосом*). Паршивая подачка! Только и всего! Чтобы ее получить, изволь-ка работать с раннего утра до поздней ночи. Сидишь, сидишь 18 дней, скрючившись за станком, задыхаешься от пыли, купаешься в собственном поту, а в конце концов зарабатываешь тринадцать грошей!

Пфейфер. Чего глотку дерешь?

Бекер. Так что ж что деру? Все равно вы мне ее не заткнете!

Пфейфер (*вскакивает и кричит*). Это мы еще посмотрим! (*Бежит к стеклянной двери и кричит*.) Господин Дрейсигер! Господин Дрейсигер! Будьте так добры!

Дрейсигер (*входит. Это молодежавый человек лет сорока, упитанный, астматичный. Обращаясь к Пфейфферу, строгим голосом*). Что здесь случилось, Пфейффер?

Пфейффер. Бекер скандалит и не хочет уняться.

Дрейсигер (*приосанивается, откидывает назад голову и пристально смотрит на Бекера. Его ноздри вздрагивают*). Ага, Бекер! (*К Пфейфферу.*) Это вот этот?

Служащие утвердительно кивают головами.

Бекер (*смело*). Да-да, г[осподи]н Дрейсигер (*указывая на себя*), это вот этот (*указывая на Дрейсигера*), а это вот тот.

Дрейсигер. Это еще что за вольности?

Пфейффер. Видно, ему слишком хорошо живется. Стоит на тонком льду и пляшет. Уж и допляшется он когда-нибудь, нарвется как следует!

Бекер (*выходя из себя*). Ах ты, грошевая тварь! Заткни и ты свою поганую глотку. Видно, твоя мать с домовым зналась и ездила к нему на помеле в новолунье! Потому-то ты и уродился таким чертом!

Дрейсигер (*придя в бешенство, рычит*). Замолчи! Слышишь, сейчас же замолчи, а то смотри, я тебя... (*Он дрожит всем телом и делает несколько шагов вперед.*)

Бекер (*решительно и не отступая*). Я еще не глух. Пока что я еще хорошо слышу.

Дрейсигер (*делает над собой усилие и говорит деловым*

тоном с кажущимся спокойствием). Этот человек был тогда с ними.

Пфейфер. Это ткач из Билау. Уж где пахнет бесчинством – этот всегда там.

Дрейсигер (*дрожит*). Раз навсегда говорю: если мимо моего дома еще когда-нибудь пройдет, как вчера вечером, целая орава полупьяных людей, шайка бессовестных скандалистов с этой подлой песней...

Бекер. Вы говорите о всем известной песне?

Дрейсигер. Ты сам знаешь, о чем я говорю. Так я тебе говорю: если это повторится еще раз, я клянусь богом, без всяких шуток, я велю схватить кого-нибудь из вас и предам его в руки властей. А если я узнаю, кто сочинил эту отвратительную песню...

Бекер. Песня эта очень хорошая.

Дрейсигер. Если ты скажешь еще одно слово, я сейчас же пошлю за полицией. Я шуток не люблю. С вами, молодцами, мы отлично справимся. Мне приходилось справляться и не с такими, как вы.

Бекер. Ну что ж, я вам верю. Настоящий фабрикант, как вы, справится с двумя-тремястами ткачей в минуту. Не успеешь оглянуться, как справится... Ведь вы на все пойдете...

Дрейсигер (*к своим служащим*). Никакой работы этому человеку никогда больше не давать.

Бекер. Нашли, чем пугать!

Дрейсигер. Вон, сию же минуту вон!

Бекер (*твердо*). Я не уйду, пока не получу плату за работу.

Дрейсигер. Сколько следует получить этому нахалу, Нейман?

Нейман. Двенадцать зильбергрошей и пять пфеннигов.

Дрейсигер (*поспешно выхватывает у кассира деньги и бросает их на прилавок; несколько монет скатываются на пол*). Вот, получай и скорее с глаз моих долой.

Бекер. Я не уйду, пока не получу плату за свою работу.

Дрейсигер. Вот твоя плата, подбирай, и если ты сейчас же не уберешься... Теперь как раз полдень... У моих маляров обеденный отдых...

Бекер. Плата за мою работу должна быть здесь. (*Он до-трагивается пальцами правой руки до ладони левой руки*).

Дрейсигер (*к ученику*). Поднимите, Тильгнер.

Ученик поднимает деньги и кладет их Бекеру в руку.

Бекер. Надо, чтобы все было честь честью. (*Не спеша прячет деньги в старый кошелек*.)

Дрейсигер. Ну, что же дальше? (*Видя, что Бекер все еще не уходит, нетерпеливо*). Уйдешь ли ты сам, или мне придется тебя вытолкать?

В толпе ткачей происходит движение. Слышится чей-то долгий, глубокий вздох. После этого слышно, как что-то упало на пол. Это происшествие отвлекает общее внимание в другую сторону.

Дрейсигер. Что там случилось?

Ткачи и ткачихи. Здесь кто-то упал. – Какой-то маленький худенький мальчишка. – Что он, болен что ли?

Дрейсигер. Как так? Где?

Старый ткач. Да вот лежит.

Толпа расступается. Видно мальчика лет восьми, лежащего на полу без признаков жизни.

Дрейсигер. Чей это мальчик? Кто его знает?

Старый ткач. Он не из нашей деревни.

Старый Баумерт. Да никак это Генрихов мальчишка. *(Рассматривает его ближе.)* Да-да, это Густав, сынишка Генриха.

Дрейсигер. Где живут его родные?

Старый Баумерт. Там, у нас, в Кашбахе, г[осподи]н Дрейсигер. Он ходит играть музыку. А днем он сидит за станком. У них девять человек детей, а скоро будет и десятый.

Ткачи и ткачихи. Этим людям больно плохо приходится. – В их жилье даже дождь сквозь крышу капает. – На девять человек ребят у них всего две рубашки.

Старый Баумерт *(дотрагивается до мальчика)*. Эй, детка, что с тобой? Проснись, посмотри на меня!

Дрейсигер. Помогите-ка! Давайте поднимем его. Какое безрассудство посылать такого слабого ребенка в такой далекий путь! Принесите-ка немного воды, Пфейфер.

Ткачиха *(помогающая поднять ребенка)*. Ты смотри не

помри! Вот-то будет штука.

Дрейсигер. Или коньяку, Пфейфер. Лучше коньяку.

Бекер (*Он всеми забытый стоял до этого времени и наблюдал*). Дайте ему что-нибудь поесть, тогда он живо придет в себя. (*Уходит.*)

Дрейсигер. Этот шелопай хорошо не кончит. Возьмите мальчика под руки, Нейман. Тихонько, тихонько... так... так... Снесите его в мою комнату. Что вы, Нейман?

Нейман. Он что-то сказал, г[осподи]н Дрейсигер. Он шевелит губами.

Дрейсигер. Что тебе надо, дитя?

Мальчик (*шепчет*). Есть хочется...

Дрейсигер (*бледнеет*). Нельзя понять, что он бормочет.

Ткачиха. Кажись, он сказал...

Дрейсигер. Ну, мы увидим. Только не задерживайте нас. Я его положу у себя на диване, посмотрим, что скажет доктор.

Дрейсигер, Нейман и ткачиха несут мальчика в контору. Среди ткачей движение вроде того, которое бывает у школьников, когда учитель выходит из класса. Кто потягивается, кто шепчется, кто переступает с ноги на ногу; через несколько секунд слышится всеобщий громкий говор.

Старый Баумерт. А ведь мне думается, что Бекер прав!

Некоторые ткачи и ткачихи. Разумеется, прав. – У нас

это не новость, что человек умирает с голоду. – Ох, что-то будет зимой, если нас не перестанут прижимать. – А насчет картофеля в этом году совсем дела плохи.

Старый Баумерт. Уж умнее всего сделал ткач Нентвиг – засунул голову в петлю да и повесился на том же станке. Не хочешь ли табачку? Я был в Нейроде, там у меня зять на табачной фабрике работает. Он мне и насыпал немножко. Что это ты несешь в узелке?

Старый ткач. Это у меня горсточка перловой крупы. Передо мной ехала телега мельника из Ульбриха; в одном мешке была дыра... Уж как я ей обрадовался!

Старый Баумерт. В Петерсвальде 22 мельницы, а нам все-таки ничего не перепадает.

Старый ткач. Чего вешать нос-то? Судьба что-нибудь да пошлет. Как-нибудь да пробьемся!

Ткач Гейбер. Говорят, когда человека разбирает голод, надо молиться 14-ти заступникам, а то взять в рот камень и сосать его – это помогает.

Дрейсигер, Пфейфер и кассир возвращаются.

Дрейсигер. Ничего особенного. Мальчик теперь совсем пришел в себя. *(Взволнованно и пыхтя ходит взад и вперед.)* Все-таки это бессовестно. Такое дитя – что твоя травинка: подул ветер, и она согнулась. Просто непонятно, как это люди... как это родителя могут быть так неблагоприятно-

ны: навьючивают на ребенка два куска нанки и заставляют его нести их 10 верст. Даже трудно поверить. Просто-напросто надо сделать распоряжение, чтобы от детей товара впредь не принимали. (*Некоторое время молча ходит взад и вперед.*) Во всяком случае я настоятельно желаю, чтобы подобных вещей больше не повторялось. И кто в конце концов в ответе? Конечно, мы, фабриканты. Мы во всем виноваты. Если такой жалкий ребенок в зимнее время застрянет в снегу и заснет, сейчас же является какой-нибудь досужий писака – и через два дня страшная история пошла гулять по всем газетам. А отец? А родители, которые посылают такого ребенка... сохрани бог, чем же они виноваты? Все с фабриканта спрашивается, фабрикант – какое-то козлище отпущения. Ткача вечно гладят по головке, а фабриканта вечно ругают: он-де человек бессердечный, опасный плут, которого каждая порядочная собака должна хватать за икры.

Фабрикант живет среди роскоши и удовольствий, а бедным ткачам платит «нищенскую плату». И знать ведь не хотят, что у такого человека масса работы и бессонных ночей, что он несет большой риск, который ткачам и во сне не снится, что от постоянных расчетов и подсчетов, делений, вычитаний и сложений он подчас теряет голову, что у него тысяча сомнений и волнений, что он непрерывно ведет, так сказать, борьбу на жизнь и на смерть с конкурентами, наконец, что у него ни одного дня не проходит без потерь и огорчений, – обо всем этом, уж конечно, молчок. И кто только не садится

фабриканту на шею, кто только не высасывает из него крови, и кто не живет на его счет? Попробовали бы вы хоть денек побыть в моей шкуре – вам бы скорехонько невмоготу стало. (После паузы.) Вот хотя бы этот негодяй, этот Бекер – какие он штуки тут выкидывал! Теперь он уж наверно станет трубить по всему свету, что я настоящий зверь. И что будто я из-за каждого пустяка то и дело выбрасываю рабочих на улицу. Неужто это правда? Неужто я в самом деле такой зверь?

Многие голоса из толпы. Что вы, г[осподи]н Дрейсигер!

Дрейсигер. Ну вот то-то же и есть. И к тому же бездельники шляются везде и поют скверные песни про нас, фабрикантов. Говорят о голоде, а у самих, небось, есть деньги, чтобы дуть водку целыми четвертями. Попробовали бы они сунуть свой нос в другие места и посмотреть, каково живет-ся, например, рабочим на льняных фабриках. Тем действительно есть на что пожаловаться. Но вы-то еще что! За свою жизнь вы должны господа бога благодарить. Ну, отвечайте мне, старые прилежные ткачи, какие тут есть, может или не может порядочный ткач, знающий свое деяо и работающий у меня, сводить концы с концами?

Очень многие голоса. Может, может, г[осподи]н Дрейсигер!

Дрейсигер. Ну, вот видите. А вот такой негодяй, Бекер, конечно, не может. Вот я вам и советую: держите таких буянов на уздечке, не давайте им воли. Коли мне станет совсем

невтерпеж от разных беспокойств и неприятностей, я прикончу все свои дела и закрою фабрику. А тогда с вами-то что будет? Посмотрим тогда, вы найдете работу. У вашего Бекера вы ее не найдете.

Первая ткачиха (*подобралась к Дрейсигеру и с льстивым подобострастием счищает пыль с его стюртука*). Вы себя маленько испачкали, г[осподи]н Дрейсигер.

Дрейсигер. Дела идут как нельзя хуже, это вы знаете сами. Я еще прибавляю к делу, вместо того чтобы получать прибыль. И если я, несмотря на это, постоянно забочусь о том, чтобы мои ткачи не оставались без работы, то я надеюсь, что вы это цените. У меня лежат тысячи тюков товара, и я не знаю, удастся ли мне когда-нибудь распродать их. Недавно я узнал, что многие ткачи в окрестностях фабрики сидят без работы, ну, вот я и... но пусть Пфейфер расскажет вам подробности. Впрочем, дело вот в чем (цените мое доброе желание)... конечно, не могу же я раздавать милостыню – не такой я богач, – но я могу до известной степени дать безработным возможность сколько-нибудь заработать. Что я при этом несу громадный риск – это, конечно, мое дело. Я рассуждаю так: если человек может заработать себе в день хотя бы на кусок хлеба, это все-таки лучше, чем если бы он сидел совсем голодный. Разве я не правильно говорю?

Многие голоса. Правильно, правильно, г[осподи]н Дрейсигер.

Дрейсигер. Итак, я охотно дам работу еще двумстам тка-

чам, на каких именно условиях – пусть вам это объяснит Пфейфер.

Первая ткачиха (*преграждая ему дорогу, говорит торопясь, умоляющим голосом*). Господин Дрейсигер, пожалуйста, очень прошу вас. Дайте ваше согласие... у меня два раза были вычеты.

Дрейсигер (*поспешно*). Поговорите с Пфейфером, милая. А я и так уж запоздал. (*Он отходит и оставляет ее ни с чем.*)

Ткач Рейман (*также становится ему поперек дороги. Говорит тоном обиды и обвинения*). Господин Дрейсигер, я, право же, должен вам пожаловаться. Господин Пфейфер меня... я до сих пор всегда получал за свою ткань двенадцать с половиной зильбергрошей.

Дрейсигер (*перебивает его*). Вот приемщик. К нему и обращайтесь. Разве вы не знаете, кому заявлять свои просьбы?

Ткач Гейбер (*останавливает Дрейсигера*). Господин Дрейсигер (*торопясь, путаясь и заикаясь*), я бы вас покорнейше просил, может быть... мне можно было бы... может быть, господин Пфейфер мог бы мне... мог бы...

Дрейсигер. Что же вам нужно?

Ткач Гейбер. В последний раз я брал вперед, ну так я хотел, я думал...

Дрейсигер. Я вас все-таки не понимаю.

Ткач Гейбер. Я, право же, очень нуждаюсь... потому что...

Дрейсигер. Да ведь это касается Пфейфера, Пфейфера!
А я решительно не могу. Обделайте это с Пфейфером.

Он уходит в контору. Просящие беспомощно смотрят друг на друга. Один за другим они, вздыхая, отходят в сторону.

Пфейфер (снова принимается рассматривать ткани).
Ну, дядя, что ты принес?

Старый Баумерт. Что же вы мне дадите за ткань-то, господин Пфейфер?

Пфейфер. За ткань десять зильбергрошей.

Старый Баумерт. Ну, ладно. Что же с вами поделаешь!

Движение среди ткачей, слышен глухой ропот.

Действие второе

Лица второго действия

Старый Баумерт.

Старая Баумерт, его жена.

Август, их сын.

Эмма, Берта – их дочери.

Фриц, незаконнорожденный ребенок Эммы.

Анзорге, старый бобыль, ткач.

Фрау Гейнрих, ткачиха.

Мориц Иегер, отставной солдат, бывший ткач-подмастерье.

Комнатка в доме Вильгельма Анзорге в Каишбахе, в Эйленгебурге. Тесная комната, высотой меньше трех аршин; старый протоптанный пол, грязный, закоптелый потолок. Две молодых девушки – Эмма и Берта – сидят за ткацкими станками. Бабушка Баумерт, сгорбленная старуха, сидит на скамеечке у кровати; перед ней колесо для наматывания пряжи. Неподалеку от нее, также на скамеечке, сидит и мотает пряжу ее сын Август. Это слабоумный юноша лет двадцати с маленькой головой, тощим туловищем и с длинными, как у паука, конечностями. В комнате два узких окошка, частью заклеенных бумагой, частью заткну-

тых соломой; сквозь них в комнату проникает слабый розоватый свет вечерней зари. Он освещает белокурые распущенные волосы девушек, их худые, ничем не прикрытые плечи, их тощие, воскового цвета затылки и складки грубых рубашек. Эти рубашки да юбка из грубой парусины составляют всю их одежду. Розоватые лучи света падают также на лицо, шею и грудь старухи. Лицо ее бескровное и тощее, как у скелета, покрыто множеством складок и морщин. Впалые глаза воспалены и постоянно слезятся от шерстяной пыли, дыма и ночной работы при плохом освещении. Длинная шея с зобом покрыта множеством морщин и жилами; ввалившаяся грудь укутана тряпками и линючим платком. У стены направо — печь, около нее кровать; здесь же повешено несколько ярко разукрашенных образов лубочного изделия. Все это освещено лучами вечерней зари. Над печью на перекладине сушатся тряпки; за печкой, в углу, куча старого негодного хлама. На скамье около печи стоят несколько старых горшков; на листе бумаги сушится картофельная шелуха. С балок свешиваются пучки пряжи и мотовила. Около станков стоят корзины со шпульками. В задней стене низкая дверь без замка. Рядом с дверью, у стены, пучок ивовых прутьев. Тут же несколько дырявых плетеных корзин. В воздухе носится грохот станков, ритмический шум набилок, сотрясающий пол и стены, лязганье и щелканье челноков. Ко всему этому примешиваются низкие, непрерывно однообразные тоны вертящихся мотальных колес,

напоминающие собой жуужжание больших игл.

Бабушка Баумерт (*обращаясь к девушкам, которые сидят и связывают порванные нити, говорит слабым жалобным голосом*). Неужто опять связывать?

Эмма (*старшая из девушек, 22-х лет, связывая порвавшуюся нить*). Ну уж и нитки, нечего сказать!

Берта (*15-ти лет*). Чистое наказание!

Эмма. И где он это так долго пропадает? Ведь ушел-то он часов в девять.

Бабушка Баумерт. Вот то-то и есть, девушки! Где это он, правда, застрял?

Берта. Только ты, мама, ради бога, не тревожься.

Бабушка Баумерт. Да как тут не тревожиться?

Эмма продолжает ткать.

Берта. Постой-ка, Эмма.

Эмма. Что такое?

Берта. Мне показалось, что кто-то идет.

Эмма. Надо полагать, что это возвращается домой Ан-зорге.

Входит Фриц, маленький мальчик лет четырех, босой и в лохмотьях. Горько плачет.

Фриц. Мама, я есть хочу.

Эмма. Подожди, Фриц, подожди немножко. Сейчас при-

дет дедушка. Он принесет нам хлеба и кофе.

Фриц. Мне так есть хочется, мама!

Эмма. Ведь я же тебе говорю: будь умницей. Он сейчас придет и принесет нам вкусного хлебца и кофейку. А вечером, после работы, мама возьмет картофельную шелуху, снесет ее мужику, а тот даст ей за это хорошей сыворотки для моего мальчика.

Фриц. А куда же пошел дедушка?

Эмма. Дедушка у фабриканта, Фриц, сдает ему работу.

Фриц. У фабриканта?

Эмма. Да-да, Фриц, у Дрейсигера в Петерсвальде.

Фриц. Там дадут дедушке хлебца?

Эмма. Да-да, фабрикант даст дедушке денег, и дедушка купит на них хлеба.

Фриц. Фабрикант даст дедушке много денег?

Эмма (*раздражается*). Будет тебе болтать, замолчи.

Она и Берта продолжают работу, но немного погодя снова бросают ее.

Берта. Поди, Август, скажи Анзорге, чтобы он дал вам свету.

Август уходит, за ним уходит и Фриц.

Бабушка Баумерт (*вскрикивает от овладевшего ею ребяческого страха*). Ох, детки, детки, где же это отец-то ваш?

Берта. Надо полагать, он зашел к Гауфу.

Бабушка Баумерт. Только бы он в кабак не заходил!

Эмма. Что ты говоришь, мама, разве наш отец из таких?

Бабушка Баумерт (*вне себя от множества нахлынувших на нее опасений*). Ну-ну-ну, скажи же мне, пожалуйста, что же теперь будет, если он... если он... придет домой... если он все пропьет, а домой-то не принесет ничего? В доме ни крупинки соли, ни корки хлеба... Надо бы хоть одну вязанку дров...

Берта. Да успокойся же, мама. Теперь ночи лунные. Мы пойдем в лес, возьмем с собой Августа и принесем связку хвороста.

Бабушка Баумерт. А лесник вас тут же и словит.

Анзорге (*старый ткач, очень высокий и крепкий, весь обросший волосами. Чтобы пройти через дверь, он должен низко наклоняться. Он просовывает в дверь голову и верхнюю часть туловища и говорит*). Вам чего?

Берта. Хоть бы вы засветили нам огонька.

Анзорге (*вполголоса, как говорят в присутствии больных*). Ведь еще светло.

Бабушка Баумерт. Этого еще недоставало, чтобы ты заставлял нас сидеть в темноте!

Анзорге. Нужно же мне и свою выгоду соблюдать, о своей выгоде позаботиться. (*Исчезает в двери.*)

Берта. Ишь, какой скупой!

Эмма. А мы вот и сиди в темноте и дожидайся, когда ему заблагорассудится дать нам огонька.

Фрау Гейнрих (*входит. Это тридцатилетняя беременная женщина. На ее усталом лице выражение мучительной*

заботы и напряженного беспокойства). Добрый вечер.

Бабушка Баумерт. Ну, что скажешь хорошенького?

Фрау Гейнрих (*хромает*). Да вот ногу попортило осколком.

Берта. А ну-ка садись, я попробую помочь твоему горю.

Фрау Гейнрих садится, Берта становится перед ней на колени и возится с ее ногой.

Бабушка Баумерт. Ну, что у вас дома?

Фрау Гейнрих (*в порыве отчаяния*). Ах, боже мой, что дома? Да то, что так дальше жить-то невозможно! (*Молча плачет, не будучи в силах сдержать слезы.*) Хоть бы бог-то над нами сжалился и взял бы нас к себе. Для нашего брата это было бы самое лучшее! (*Не владея собой, выкрикивает сквозь слезы.*) Дети-то, дети мои бедняжки – ведь они с голоду помирают! (*Рыдает.*) Уж я не знаю, что мне и делать! И чего я не пробовала, чего не выдумывала! Ты тут хоть лопни, хоть мечись, как угорелая, пока с ног не свалишься. Я уж и так еле жива от усталости, а все толку нет и, что ни делай, все лучше не живется. Накорми-ка девять голодных ртов! Чем прикажете кормить их, чем? Вот, например, вчера вечером был у меня ломоть хлеба – так ведь этого ломтя на двух самых маленьких не хватило бы. Я не знала, кому его и сунуть. Все девять человек стояли и кричали: «Мне, мама, мне! Мне, мамочка, мне!» Теперь я, слава богу, еще на но-

гах. А что то будет, когда я слягу? Последнюю картошку, и ту у нас водой унесло. Теперь нам уж вовсе жевать нечего.

Берта в это время вынула осколок из ноги фрау Гейнрих и промыла рану.

Берта. Теперь мы завяжем ногу тряпочкой. Эмма, нет ли тряпочки-то?

Бабушка Баумерт. И нам ведь не лучше живется.

Фрау Гейнрих. У тебя все-таки есть дочери, у тебя есть муж-работник, а с моим на прошлой неделе опять был припадок. Уж его трясло-трясло, уж его колотило-колотило, да так, что я не знала, куда и деваться. И после каждого такого припадка он целую неделю лежит в постели.

Бабушка Баумерт. И мой теперь не лучше твоего. Он тоже начинает раскисать. Ему что-то схватило грудь, да уж очень разломило спину. И истратились мы прямо до последнего гроша. Если он сегодня не принесет денег, я не знаю, что с нами и будет.

Эмма. Поверишь ли, мы уже до того дошли... Отец Амишку с собой взял. Пришлось его зарезать: надо ведь хоть чем-нибудь живот набить.

Фрау Гейнрих. Не найдется ли у вас хоть горсточки муки?

Бабушка Баумерт. Ох, ничего у нас нет, даже крупинки соли в доме не осталось.

Фрау Гейнрих. Тогда уж я и не знаю! (*Поднимается, стоит в тяжелом раздумье.*) Я, право, уж и не знаю, не знаю, что мне и делать. (*Выкрикивает в отчаянии и ужасе.*) Я бы рада и свиному корму. Не могу же я вернуться домой с пустыми руками. Ведь это никак невозможно. Да простит меня бог. Уж теперь мне ничего другого не остается! (*Быстро уходит, хромя на левую ногу.*)

Бабушка Баумерт (*кричит ей вслед*). Эй, милая, не надейся глупостей.

Берта. Да ничего она с собой не сделает. Вот что выдумала!

Эмма. Ведь она всегда так говорит. (*Садится за ткацкий станок и работает некоторое время.*)

Август входит с сальной свечкой в руках и светит своему отцу, старому Баумерту, который входит, волоча за собой тюк с пряжей.

Бабушка Баумерт. Ах, господи Иисусе, да где же это ты запропал, старик?

Старый Баумерт. Ну, не ворчи, не ворчи. Дай мне хоть немножко очухаться. Посмотри-ка лучше, кого я привел.

Мориц Иегер (*входит, нагибаясь в дверях. Это отставной солдат среднего роста, статный, краснощекий, в гусарской фуражке набекрень. На нем новое платье, крепкие сапоги и чистая, некрахмальная рубашка. Войдя в комнату,*

Иегер выпрямляется по-военному и отдает честь. Говорит развязным тоном). Здравья желаем, тетушка Баумерт!

Бабушка Баумерт. Эвона что, да еще какой! Домой, значит, вернулся. А нас ты еще не забыл? Ну, садись-садись! Иди сюда, садись.

Эмма (*вытирает подолом табуретку и подставляет ей Иегеру*). Добрый вечер, Мориц. Ну, что? Захотелось посмотреть, как бедным людям живется?

Иегер. Скажи-ка мне, Эмма... я ведь не верил. Говорят, у тебя мальчик, – скоро в солдаты отдавать будешь. Где это ты его подцепила?

Берта (*берет из рук отца принесенный им скудный запас провизии, кладет мясо на сковородку и ставит в печь*). Ткача-то Фингера ты помнишь?

Бабушка Баумерт. Того самого, который у нас в нахлебниках жил. Он-то ведь на ней жениться хотел, да уж очень хворал грудью. Как я тогда уговаривала девочку! Но разве она меня послушала? Он-то теперь давным-давно умер, а ребенок у нее на шее сидит. Скажи-ка лучше, Мориц, как тебе-то жилось это время.

Старый Баумерт. О нем и толковать нечего, старуха. Ему счастье везет. Теперь он на нас и смотреть не хочет. Одежда у него барская, часы золотые, да еще 10 талеров чистыми деньгами.

Иегер (*сидит с важным видом и добродушно улыбается*). Да что уж тут говорить, пожаловаться мне не на что. В

солдатах жилось не худо.

Старый Баумерт. Он был в денщиках у ротмистра. По-слушай-ка, и разговор-то у него совсем как у господ!

Иегер. Я так привык говорить по-господски, что теперь иначе и говорить не могу.

Бабушка Баумерт. Скажите на милость! Такой был негодный мальчишка, а теперь вот какие деньги у него в руках. Ведь ты и работником-то никогда не был, ведь тебя ни к чему путному и пристроить не могли. Ты даже клубка не мог размотать за один присест. Бывало, посидишь-посидишь, а там и вскочишь. Только тебя и видели. Вот расставлять мышеловки да воробьев ловить – на это ты был мастер. Что, правду я говорю?

Иегер. Правду, тетушка Баумерт. Но я не одних воробьев ловил, я и ласточек любил ловить.

Эмма. Да, бывало, мы тебя все уговаривали: смотри, Мориц, ведь ласточки ядовиты!

Иегер. Вы говорили, а я вас не слушал. А вам-то как жилось, тетушка Баумерт?

Бабушка Баумерт. Ах, господи, так плохо, так плохо живется за последние 4 года, один бог знает! Посмотри-ка на мои пальцы. Уж я не знаю, как эта болезнь и называется. Со-всем она меня свернула. Ни ногой, ни рукой двинуть не могу. И сказать не могу, какие страдания приходится терпеть.

Старый Баумерт. Да, плоха стала старуха. Уж, наверное, ей долго не протянуть.

Берта. Утром мы ее одеваем, вечером раздеваем, кормим ее, как малого ребенка.

Бабушка Баумерт (*говорит все время жалобным, плаксивым голосом*). Всякую мелочь для меня другие должны делать: в тягость и себе, и другим. Уж я молила-молила господа бога: возьми ты меня к себе. Ох, Иисусе, больно уж тяжело мне! И сама не знаю, тяжело. Чего доброго, люди думают, что я... а я к работе еще малым ребенком была приучена и всегда делала дело, а тут – вона что... (*Она пытается подняться.*) Не могу подняться, да и только! Муж-то у меня хороший, и дети хорошие. А я так бы и не глядела на них... На что девчонки-то похожи. В них скоро ни кровинки не останется. Бледны они, что твое полотно. И работа-то какая! Все у станка да у станка – что дома оставайся, что в люди на место иди. Разве девушки-то живут? Что это за житье для них? Круглый год от станка не отходят, а даже на платишко себе заработать не могут, наготу свою прикрыть нечем. Ни в люди показаться, ни в церковь сходить богу помолиться, ни какого ни на есть гостинца купить. Ходят в отрепьях – и смотреть-то на них совестно. И это в пятнадцать и двадцать лет!

Берта (*у печки*). Печка опять немного дымит.

Старый Баумерт. Еще как дымит-то, некуда деваться от дыма. Печь-то, небось, скоро совсем развалится. А мы вот смотри, как она развалится, да сажу глотай. Все кашляем друг с дружкой наперегонки. Кашель иной раз просто душит, так душит, что кажется, все нутро наизнанку выворачивает-

ся, – да никто на это и внимания не обращает. Кому какое до нас дело?

Иегер. За этим должен смотреть Анзорге. Дом-то ведь его, значит, он и исправляй.

Берта. Держи карман, станет он нас слушать. Он и без того все на нас ворчит.

Бабушка Баумерт. Мы, мол, у него больно много места занимаем.

Старый Баумерт. Мы только пикни – он нас в шею. Ведь он не получал с нас за квартиру почти целых полгода.

Бабушка Баумерт. Он человек не бедный, мог бы быть пообходительнее.

Старый Баумерт. Ну, старуха, у него тоже ничего нет. И ему не сладко приходится. Он только не любит говорить людям о своей нужде.

Бабушка Баумерт. Все-таки у него дом-то собственный.

Старый Баумерт. Что ты там мелешь, старуха? Вот выдумала! В этом доме последний кирпич, и тот не его.

Иегер (*внимает из одного кармана короткую трубку с красивыми кистями, из другого – кварту водки*). Дальше так жить вам невозможно. Просто глазам своим не верю, глядя на ваше житье. Ведь в городах собаки живут лучше вашего.

Старый Баумерт (*волнуясь*). Ведь правда, правда? Ты вот своими глазами видишь! Заикнись-ка наш брат о том же самом – небось, сейчас же ему говорят, что это только «плохие времена» и больше ничего.

Анзорге (*входит. В одной руке у него глиняная миска с супом, в другой – наполовину оконченная плетеная корзинка*). Здорово, Мориц. Ты опять здесь?

Иегер. Здорово, дядя Анзорге!

Анзорге (*ставит свою миску в печь*). Вона ты какой! Словно настоящий граф.

Старый Баумерт. А ну-ка покажи нам свои часы. Да что там часы! У него ведь есть еще новая пара и десять талеров чистыми деньгами.

Анзорге (*качает головой*). Да-да, так-так.

Эмма (*собирает с бумаги картофельную кожуру и наполняет ею мешок*). Теперь надо мне нести картофельную кожуру. Может, мне и дадут за нее снятого молока. (*Уходит.*)

Иегер (*Все его слушают с напряженным и почтительным вниманием.*) Ну-ка раскиньте теперь умом. Ведь вы же меня мучили, пилили. Погоди, мол, Мориц, – как поступишь на военную службу, так тебя заберут в руки. А смотришь – вышло-то не по-вашему. Все это время мне жилось лучше и быть не надо. Полгода прослужил – а у меня уж нашивки. Надо быть расторопным, в этом все дело. Чистил я рот-мистру сапоги, ходил за его лошадью, бегал ему за пивом. А когда я на посту – мундир, бывало, на мне так и блестит. Я первый в конюшне, я первый на перекличке, я первый в седле. Я был страсть какой проворный. А когда выступали в атаку – марш, марш, звон, гром, прочь с дороги! Держусь

постоянно настороже, словно охотничья собака. А про себя думал: тут уж ничего не поделаешь, тут уж рассуждать не приходится. Собрал свои мозги, стал держать ухо востро – ну, дело и пошло на лад. И вышло в конце концов так, что сам ротмистр перед всей ротой сказал про меня: «Вот это так настоящий гусар, каким он должен быть!»

Молчание. Иегер закуривает трубку.

Анзорге (*качает головой*). Вот-то тебе счастье везло! Да-да, так-так. (*Он садится на пол, кладет рядом собой пучок прутьев и продолжает шить корзину, придерживая ее ногами.*)

Старый Баумерт. Ну что ж, хорошо, может ты и нам принесешь счастье. Уж не выпить ли и нам с тобой по этому случаю?

Иегер. Ну, конечно, дядя Баумерт, а когда мы прикончим эту бутылочку, то будет и другая. (*Бросает на стол монету.*)

Анзорге (*разиня рот, в тупом изумлении*). Эх-эх-эх, вот у вас какие дела! Тям жаркое, здесь бутылочка водки! (*Он пьет из бутылки.*) За твоё здоровье, Мориц! Да-да, так-так.

Бутылка странствует из рук в руки.

Старый Баумерт. Да, хорошо бы было, если бы у нас всегда был такой кусочек жареного, а то мы по целых годам

мяса-то и в глаза не видим. Теперь извольте-ка ждать, пока опять пристанет такая собачка, как вот Амишка: пристала в прошлом месяце да и жила до сих пор. А это ведь не каждый день случается.

Анзорге. Ты велел зарезать Амишку?

Старый Баумерт. А то что же? Ведь она у меня все равно бы с голоду поколела.

Анзорге. Да-да, так-так.

Бабушка Баумерт. Собачка-то была такая славненькая, умненькая...

Иегер. А вы здесь по-прежнему любите жареную собачину?

Старый Баумерт. Да хоть бы этого-то жаркого было у нас вдоволь.

Бабушка Баумерт. А ведь хорошо проглотить иногда кусочек мяса?

Старый Баумерт (*к Иегеру*). А ты, небось, уж потерял охоту к таким кушаньям. Ну-ка поживи у нас немножко – небось, скорехонько войдешь опять во вкус!

Анзорге (*нюхает*). Да-да, так-так! А ведь кушанье-то будет хорошее: ишь, как вкусно нахнет.

Старый Баумерт (*нюхает*). Одно слово, корица.

Анзорге. А скажи-ка там, Мориц, как по-твоему, – ты ведь знаешь, что творится на белом свете. Наступят ли когда-нибудь и для нас, ткачей, лучшие времена или нет?

Иегер. Да надо полагать, что наступят.

Анзорге. Мы здесь не то живем, не то умираем. Больно уж нам плохо живется, право. А ведь с такой-то жизнью мириться приходится. Нужда-то ведь так и ломает и потолок над головой, и пол под ногами. В былые времена, когда я еще в силах был работать за станком, кое-как концы о концами сходились. А теперь вот целыми месяцами приходится сидеть без работы. Плету вот корзинки и живу с грехом пополам, только-только что не умираю. До поздней ночи плетешь – а когда, наконец, свалишься от усталости и заснешь в конце концов, наработал всего на один зильбергрош и шесть пфеннигов. Ты, Мориц, человек образованный; ну, рассуди: можно ли на это жить при нынешней дороговизне? Три талера у меня отбирают под видом налога на мой домишко, один талер под видом поземельных, три талера под видом процентов по закладной. А заработок-то мой всего 14 талеров в год. На прожитие остается семь талеров. На них надо и кормиться, и одеваться, и обуваться, надо чинить одежду, надо квартиру иметь, надо ее отапливать, и мало ли еще что. Где уж тут платить проценты?

Старый Баумерт. Надо бы вот что сделать: кому-нибудь из нас идти в Берлин, прямо к королю, и рассказать ему все как. есть начистоту про наше житье-бытье.

Иегер. Нет, дядя, это не поможет. Уж сколько об этом писали в газетах! Богачи сумеют все дело по-своему обернуть и так и этак... Они и самого доброго христианина обойдут.

Старый Баумерт. И как это у них там в Берлине смекал-

ки не хватает?

Анзорге. Ну, скажи на милость, Мориц, неужто это возможно? Если человек из сил выбивается и все-таки не может заработать на проценты, неужто можно отобрать у него домишко? Мужик свои деньги с меня требует. Теперь я и не знаю, что со мной-то будет. Если меня да из собственного моего дома погонят... (*Глокает слезы*) Здесь я родился; здесь мой отец сидел у станка, сорок лет сидел. Бывало, не раз он говорил матушке: «Когда я помру, старуха, смотри, обеими руками держись за дом». Этот дом с бою взят, говорил он. Здесь что ни гвоздь, то бессонная ночь, что ни балка, то целый год полуголодного житья. Кажется, уж ясно...

Иегер. Они и самое последнее отберут, они на это способны.

Анзорге. Да-да, так-так. Если дело до этого дойдет, пусть уж лучше они меня из моего дома вынесут, чем мне на старости лет оставаться на улице. Эка штука – смерть! Мой отец тоже не боялся смерти. Только под конец ему стало страшновато. Тогда я лег к нему в постель, и он успокоился. Подумай только, мне, мальчишке, было всего тринадцать лет. Уж очень я устал тогда, ну и заснул около больного – тогда ведь я ничего не понимал. Просыпаюсь – а около меня похолодевший покойник...

Бабушка Баумерт (*после молчания*). Берта, достань-ка для Анзорге его котелок из печки.

Берта. Нате, покушайте, дядя Анзорге.

Анзорге (*Сквозь слезы начинает есть*). Да-да, так-так.

Старый Баумерт ест мясо прямо из кастрюли.

Бабушка Баумерт. Эй, старик, ты бы уж потерпел немножко. Пусть Берта нам всем нарежет.

Старый Баумерт (*жует*). Два года тому назад я в последний раз причащался. После того я сейчас же продал сюртук, который берег для причастия. На эти деньги мы купили кусочек свинины. С тех пор я мяса в глаза не видал вплоть до сегодняшнего вечера.

Иегер. Нам мясо не полагается, за нас фабриканты его едят. Они вот как в масле катаются! У них хватит и на жареное, и на печеное, и на экипажи, и на кареты, и на гувернанток, и бог знает еще на что. Бесятся они с жиру-то, не знают, что и выдумать от богатства да от спеси.

Анзорге. В прежние времена совсем по-иному все было. Тогда фабриканты сами жили да и ткачу жить давали. А все потому, думаю я, что высшее сословие ни в бога, ни в черта больше не верит. Заповеди забыли и кары божьей не боятся. Они выкрадывают у нас последний кусок изо рта, отнимают где только могут и без того скудную нашу еду. От этих-то людей и идет все наше несчастье. Если бы наши фабриканты были хорошими людьми, нам бы не жилось так плохо.

Иегер. Август, сходи-ка ты в кабачок и принеси нам еще кварту. А ты, Август, по-прежнему все смеешься?

Бабушка Баумерт. Я и не понимаю, что с моим мальчиком: он всегда и всем доволен. Что бы ни случилось, как бы скверно ни жилось – он всегда смеется. Ну, беги, живо, живо!

Август уходит с пустой бутылкой.

Ну что, старик, ведь вкусно, а?

Старый Баумерт (*жует; еда и питье сильно возбуждают и подбадривают его*). Слушай, Мориц, ты ведь у нас свой человек. Ты умеешь читать и писать. Ты нашу жизнь знаешь, ты нас, несчастных ткачей, жалеешь. Тебе бы вот приняться за наше дело да двинуть его хорошенько.

Иегер. Это я с удовольствием. За мной дело не станет. Этой фабрикантской шушере я бы устроил скандал с нашим удовольствием. За этим я не постою. Я малый обходительный, но уж если во мне закипит злоба и на меня найдет бешенство – тогда я вот как: Дрейсигера в одну руку, а Дитриха в другую, да так ударю их головами, что искры у них из глаз так и посыплются. Ох, если бы можно было устроить так, чтобы всем нам держаться дружно и вместе, – мы бы тогда такой крах устроили господам фабрикантам... просто любо-дорого! Как только они увидят, что мы с ними шутить не желаем, так сейчас же и сократятся. Знаю я этих святош-смирнников. Все они трусы, только и всего.

Бабушка Баумерт. А ведь он правильно говорит; ведь вот я не злая. Я всегда говорила, что и богатые люди должны быть на свете. Но если уж на то пошло...

Иегер. А по мне пусть их всех черт поберет. Этой породы мне ни капельки не жалко.

Берта. Где же отец?

Старый Баумерт незаметно скрылся.

Бабушка Баумерт. И вправду, куда же он пошел?

Берта. Неужели с ним худо... может быть, он уж очень отвык от мясного?

Бабушка Баумерт (*плачет*). Ну, вот извольте видеть. Теперь вот и еда в желудке не остается! Вот досталась на нашу долю малая толика порядочной еды, и ту душа не принимает.

Старый Баумерт (*возвращается, плача от досады*). Ох-ох, сил моих нет больше. До чего они меня довели. Удалось, наконец, достать себе сносный кусок, так и тот впрок не идет. (*Садится на скамейку, горько плача.*)

Иегер (*в порыве внезапного негодования, горячо и убежденно*). И есть еще люди на свете, начальство, судьи тут же, неподалеку от нас; только то и делают, что небо копят. И вот такие-то люди и смеют обвинять ткачей: вы, мол, могли бы жить прекрасно, вся ваша бедность из-за вашей лени...

Анзорге. Да разве это люди? Это звери!

Иегер. Ну да ладно, наш-то уж свое получил. Мы с ры-

жим Бекером его хорошо угостили. А под конец спели ему еще нашу песню.

Анзорге. О господи-господи, это и есть та самая песня?

Иегер. Она самая. Вот она.

Анзорге. Как эта песня зовется? Песня Дрейсигера или иначе как?

Иегер. А вот я ее сейчас вам почитаю.

Старый Баумерт. Кто сочинил эту песню?

Иегер. А этого никто не знает. Ну-ка послушайте. (*Читает. Разбирает, как ученик, делает неверные ударения, но читает с неподдельным искренним чувством. В голосе слышны и отчаяние, и горе, и негодование.*)

Есть суд неправый, подлый суд
Для бедняков родной долины –
Без приговора здесь убьют
Или замучат без причины.
Здесь враг глумится над душой,
А мы молчим лишь терпеливо,
И только слышен вздох порой –
Свидетель горя молчаливый.

Старый Баумерт (*захваченный словами песни, взбудораженный до глубины души, несколько раз с трудом удерживается, чтобы не прервать Иегера. Не владея более собой, он обращается к своей жене и бормочет сквозь смех и слезы*).
Застенок здесь для пыток... Правду тот говорит, кто написал

это... Сама можешь засвидетельствовать... Как это?.. Здесь вздохам... как бишь... здесь вздохам тяжким счета нет...

Иегер. Здесь горьких слез избыток.

Старый Баумерт. Ты знаешь ведь, сколько мы каждый день вздыхаем – и за работой, и за отдыхом.

Иегер (*в то время как Анзорге, бросив работу, застыл, глубоко потрясенный, а старушка Баумерт и Берта несколько раз утирают глаза, продолжает читать*).

Здесь Дрейсигер – палач и князь –
Царит средь бедности унылой,
Один ликует, веселясь
Над нашей жалкою могилой.
Так будьте прокляты, злодеи!

Старый Баумерт (*дрожжа от ярости, топает ногой*). Да, так будьте ж прокляты, злодеи!!!

Иегер (*читает*).

Пока проклятья мы лишь шлем,
Но час придет – и ваши шеи
Веревкой с петлей обовьем.

Анзорге. Так-так – веревкой с петлей обовьем.

Старый Баумерт (*угрожающе сжимает кулак*). Вы жрете пищу бедняков.

Иегер (*читает*).

Напрасны стоны и моленья,
Напрасны жалобы врагам.
«Не хочешь – так умри ж в мученьи», –
Ответ голодным беднякам.

Старый Баумерт. Как? Как это там написано? Здесь и стонами и молениями не помочь? Каждое слово... каждое слово... все верно, как есть. Здесь и слезами не помочь.

Анзорге. Вот так-так, ну-ну! Тут уж ничем не поможешь.

Иегер (*читает*).

Взгляните же на их страданья,
Взгляните же на их нужду,
И если нет в вас состраданья –
Не здесь вам место, а в аду.
Да, состраданья! Это чувство
Не знает сытый господин,
Ему понятно лишь искусство
Драть десять шкур с рабочих спин.

Старый Баумерт (*вскакивает в порыве бешенства*). Все верно. Вот стою я, Роберт Баумерт, мастер в Кашбахе. Кто посмеет про меня что-нибудь сказать? Я всю свою жизнь был честным человеком, а посмотрите на меня! Что мне с того? На что я похож? Что они из меня сделали?.. Застенок... застенок здесь для пыток. (*Протягивает свои руки.*) Вот полюбуйте: кожа да кости. Вы плуты все! Все плуты, без изья-

тья! *(Падает на стул, плача от отчаяния и злобы.)*

Анзорге *(швыряет корзину в угол, подымается и, дрожа всем телом от ярости, бормочет)*. И это должно перемениться, говорю я, – теперь, сейчас же. Мы больше не хотим терпеть! Мы не станем больше терпеть, будь что будет!

Действие третье

Действующие лица

Бекер.

Мориц Иегер.

Старый Баумерт.

Вельцель, кабатчик.

Фрау Вельцель, его жена.

Анна Вельцель, его дочь.

Коммивояжер (разъезжающий приказчик).

Виганд, столяр.

Хорниг, тряпичник.

Крестьянин.

Кутче, жандарм.

Молодые и старые ткачи.

Просторная комната в корчме в Петерсвальдау. Посреди комнаты толстый деревянный столб, который поддерживает потолок и к которому приделан широкий круглый стол. Немного правее столба, в задней стене, входная дверь. Через нее видны просторные сени, где хранятся бочки и разные принадлежности пивоварения. В комнате, направо от двери, – стойка и деревянная перегородка высотой в человеческий рост с полками для посуды; за нею стенной шкаф, в

шкафу ряды бутылок с водкой. Между перегородкой и шкафом небольшое пространство для хозяина. Перед стойкой стол, покрытый пестрой скатертью. Над столом висит не лишенная изящества лампа; вокруг стола – плетеные стулья. На правой стене дверь с надписью: «Винница», ведущая на «чистую половину». Направо, ближе к авансцене, тикают часы на подставке. На заднем плане, направо от входной двери, стол с бутылками и стаканами. Дальше в углу большая изразцовая печь. На левой стене три небольших окна; под ними, вдоль стены, длинная скамья. Перед скамьей под каждым окном со большому деревянному столу, обращенному своей короткой стороной к стене. Вдоль длинных сторон этих столов стоят скамейки со спинками, вдоль коротких сторон, обращенных внутрь комнаты, по одному деревянному стулу. Стены оштукатурены в синий цвет; на них развешены объявления и пестрые олеографии. В числе последних портрет Фридриха Вильгельма IV.

Шольц Вельцель (добродушный великан лет 50 или более) стоит за стойкой и наливает пиво из бочки в кружку.

Фрау Вельцель гладит у печки. Это видная, чисто одетая женщина; на вид ей еще нет 35-ти лет.

Анна Вельцель (миловидная молодая девушка лет 17-ти с прекрасными рыжевато-белокурыми волосами, опрятно одетая) сидит за столом, покрытым скатертью, и вышивает. Она подняла голову и прислушивается: вдали детские голоса поют похоронный напев.

Мастер Виганд (столяр в рабочей блузе) сидит за тем же столом, где и Анна; перед ним кружка баварского пива. Судя по его наружности, можно сказать, что он прекрасно понимает ту истину, в силу которой «кто хочет добиться на этом свете кое-какого благополучия, тот должен быть хитрым, проворным и неуклонно преследовать свои цели».

Коммивояжер сидит за круглым столом посреди комнаты и ест бифштекс. Это человек среднего роста, хорошо упитанный, в прекрасном расположении духа, живой и несколько нахальный. Одет по моде. Его дорожные вещи – саквояж, чемодан с образчиками и плюшевое одеяло – лежат около него на стульях.

Вельцель (*подает коммивояжеру кружку пива, обращаясь к Виганду*). Сегодня в Петерсвальде черт знает что творится!

Виганд (*резким голосом, напоминающим звук трубы*). Ведь сегодня у Дрейсигера сдают работу.

Фрау Вельцель. Раньше в эти дни никогда не бывало такого шума.

Виганд. Ведь Дрейсигер берет 200 новых ткачей; должно быть, оттого и шумят.

Фрау Вельцель (*продолжает гладить*). Да-да, все дело в этом. Уж если ему понадобилось двести, то наверное пришло шестьсот. У нас здесь этой породы достаточно.

Виганд. Да, черт возьми, их здорово много. Уж, кажется,

чего хуже им приходится, а смотришь – они все еще не перевелись и никогда не переведутся. Детей рожают на свет, без конца, никакой работы на них не напасёшься.

Звуки похоронного пения становятся слышнее.

К тому же еще эти похороны. Ведь ткач Нентвиг умер.

Вельцель. Он долго тянул, бедняга. Уж он несколько времени ходил бледный как смерть и худой как скелет.

Виганд. Поверишь ли, Вельцель? Мне еще никогда не приходилось сколачивать такого маленького и узенького гробика для взрослого человека. Ведь покойный весил всего каких-нибудь два пуда.

Коммивояжер (*жует*). Я только одного не понимаю... Куда ни посмотришь, какую газету ни возьмешь в руки, везде читаешь самые страшные истории о нищете ткачей; из всего этого выносишь впечатление, что здесь люди уж наполовину перемерли с голоду. А вот посмотрите на такие похороны. Я только что был в деревне. Играет музыка, идут школьный учитель и его ученики, потом пастор, а за ним толпа народа. Господи боже ты мой! Точно китайского богдыхана хоронят. Ведь вот могут же платить за все это... (*Пьет пиво. Ставит кружку на стол и говорит весело и развязно, обращаясь к Анне.*) Ведь верно, барышня? Правду я говорю?

Анна сконфуженно улыбается и усердно продолжает работать.

Наверно, вы вышиваете туфли для папаши.

Вельцель. Ну, нет, я не охотник до таких вещей.

Коммивояжер. Скажите, пожалуйста. А я бы с радостью отдал половину своего состояния, если бы барышня вышила эти туфли для меня.

Фрау Вельцель. Мой муж не понимает толку в таких работах.

Виганд (*несколько раз покашливал, двигал своим стулом и собирался заговорить*). Господин изволил превосходно выразиться насчет похорон. Ну скажите же, барышня, разве так хоронят маленьких людей?

Коммивояжер. Да-да, вот и я то же самое говорю... Ведь каких денег все это стоит! И откуда только эти люди берут деньги?

Виганд. Покорнейше прошу извинения, господин; это ужасное непонимание среди здешнего низшего класса населения. С позволения сказать, они себе составляют такое неумеренное представление насчет должного почтения и необходимой последней дани уважения блаженно усопшим покойникам. Беля же в особенности дело касается скончавшихся родителей, так это у них, можно сказать, своего рода суеверие. Тогда дети и ближайшие наследники покойных со-

бирают все свое самое последнее, а если и этого не хватает, то берут в долг у соседнего помещика. Ну вот и входят по уши в долги: его преподобию господину пастору они должны, должны и кюстеру и всем прочим, кто бывает на похоронах. В долг берутся и угощение, и вино, и все прочее, что полагается. Нет-нет, хоть я и одобряю сыновнюю почтительность, но уж никак не одобряю того, чтобы потомки усопших всю свою жизнь пребывали в долгах.

Коммивояжер. Но, позвольте, ведь пастор должен же отговаривать их от этого!

Виганд. Покорнейше прошу извинения, господин, здесь я принужден высказать опасение, что каждая маленькая община имеет свой храм божий и должна содержать свое преподобие – пастора. На таких-то именно больших похоронах высокое духовенство и имеет свой самый лучший доход. Чем блистательнее обставляются такие похороны, тем больше пожертвовании течет на храм божий. Кто знаком со здешними рабочими условиями, тот может утверждать с достоверною точностью, что их преподобия неохотно терпят тихие и скромные похороны.

Хорниг (*входит; маленький кривобокий старик, тряпичник; через плечо одета лямка*). Добрый день! Рюмочку простой, пожалуйста. Ну, фрау Вельцель, не найдется ли у вас тряпочек? Милая барышня, у меня в тележке разного товара много, не желаете ли ленточек, тесемочек, подвязочек, булабочек, шпилечек, крючков с петельками? Все, что хотите,

отдам за пару тряпок. (*Изменившимся голосом.*) Из тряпочек сделают хорошенькую беленькую бумажечку, а на той бумажечке женишок напишет вам письмецо.

Анна. Покорно благодарю, я в женихах не нуждаюсь!

Фрау Вельцель (*продолжает гладить*). Вот какая девочка, о замужестве и слышать не хочет.

Коммивояжер (*вскакивает, по-видимому, приятно пораженный, подходит к накрытому столу и протягивает Анне руку*). Вот это умно, барышня! Позвольте пожать вашу ручку. Берите с меня пример. Останемся-ка лучше свободными!

Анна (*сильно покраснела, дает ему руку*). Да ведь вы уже женаты.

Коммивояжер. Сохрани боже! это я только делаю вид. Вы так думаете потому, что у меня на руке кольцо. Это я его одеваю для того, чтобы оградить свою обаятельную личность от непрошенных авансов. А вас вот я не боюсь. (*Он кладет кольцо в карман*). Ну скажите же серьезно, барышня, неужели вы и вправду не хотите хоть немножечко выйти замуж?

Анна (*качает головой*). Ну вот еще!

Фрау Вельцель. Она останется в девушках или выйдет за какую-нибудь редкостную птицу. Она у нас очень разборчива.

Коммивояжер. Ну что ж! Чего не бывает на свете? Один богатый помещик в Силезии взял за себя горничную своей матери, а богатый фабрикант Дрейсигер ведь тоже женился

на дочери сельського старосты. Та и не сравнится с вами по красоте, барышня, а разъезжает теперь в важных экипажах с ливрейными лакеями на запятках. Разве этого не бывает? (*Ходит по комнате, подтягиваясь и переминаясь с ноги на ногу.*) Я бы выпил теперь чашечку кофе.

Входят Анзорге и старый Баумерт. У обоих по тюку с пряжей. Стараясь не делать шума, они подходят к Хорнигу и скромно садятся за один стол с ним.

Вельцель. Здравствуй, дядя Анзорге. И ты опять показался на свет божий.

Хорниг. И ты, наконец, вылез из своего закоптелого гнезда.

Анзорге (*чувствует себя неловко*). Я опять надумал сходить за пряжей.

Старый Баумерт. Он таким способом за десятью грошами гонится.

Анзорге. Да вот, хочешь не хочешь, приходится. Плести корзинки тоже толку мало.

Виганд. Конечно, это лучше, чем ничего. Я очень хорошо знаком с Дрейсигером. Ведь он для того только и старается, чтобы вам было занятие. На прошлой неделе я выставлял зимние рамы у него в квартире. Так мы с ним говорили об этом. Он ведь делает это только из сострадания.

Анзорге. Да-да, так-так.

Вельцель (*подает ткачам по рюмке водки*). Вот вам. А ну-ка скажи, Анзорге, сколько времени ты уже не брился? Вот тому господину очень хочется это знать.

Коммивояжер (*кричит Вельцелю*). Ах, господин Вельцель, ведь я этого не говорил. Господин мастер ткацкого ремесла только и бросился мне в глаза своей почтенной наружностью. Такие богатырские фигуры теперь не часто встречаются.

Анзорге (*в смущении чешет себе затылок*). Да-да, так-так.

Коммивояжер. Такие сильные люди – истинные сыны природы, теперь попадают очень редко. Все мы слишком искалечены культурой. А мне вот еще доставляет удовольствие такое первобытное состояние. Какие пушистые брови, какая густая борода...

Хорниг. Послушайте, почтенный господин, у этих людей не хватает денег на цирюльника, а на бритву и подавно. Что растет, то и растет. На человеческую наружность им тратить не из чего.

Коммивояжер. Послушайте, милейший. Я насчет этого ничего не говорю... (*Тихонько к хозяину.*) Можно предложить волосатому человеку кружку пива?

Вельцель. Нет, этого никак не возможно. Он ни за что не возьмет. У него есть свои пресмешные причуды.

Коммивояжер. Ну, так не надо. Вы позволите, барышня? (*Садится за стол, покрытый скатертью.*) Я вас уве-

рю, с тех пор, как я сюда вошел, я не могу глаз отвести от ваших волос. Какие они мягкие, какие густые! Какой у них прелестный матовый блеск! (*От восхищения целует кончики своих пальцев.*) А цвет-то какой! словно спелая рожь. Когда вы приедете с вашими волосами в Берлин, вы там произведете настоящий фурор. Parole d'honneur, с такими волосами вы можете явиться прямо ко двору. (*Отклоняется на спинку стула и лобуется волосами Анны.*) Великолепно, одно слово, великолепно!

Виганд. Из-за этих волос ей даже дали презабавное прозвище.

Коммивояжер. Какое же именно?

Анна (*все время хихикает себе под нос*). Ах, да вы не слушайте!

Хорниг. Ведь вас называют лисой, правда?

Вельцель. Ну, будет вам! Вы окончательно вскружите голову моей девчонке. Уж без того у нее много вздору в голове. Сегодня она желает выйти за графа, а завтра и графа ей уже мало – подавай ей князя!

Фрау Вельцель. Да полно тебе чернить девушку, Вельцель! Какое же в том преступление, кони человек добивается лучшего? Как ты рассуждаешь, так рассуждают далеко не все. И было бы очень плохо, если бы все так рассуждали: тогда каждый сидел бы всю жизнь на своей месте и никто бы не двигался вперед. Бели бы дедушка Дрейсигера рассуждал так же, то он навеки и остался бы бедным ткачом. А теперь

Дрейсигеры богачи. Старик Тромтра тоже был простым бедным ткачом, а теперь у него двенадцать имений, да, кроме того, он в дворяне попал.

Виганд. Уж ты как хочешь, Вельцель, а твоя жена на этот раз совершенно права. Это я могу засвидетельствовать. Если бы и я рассуждал, как ты, то разве бы у меня было теперь семь подмастерьев?

Хорниг. Да, ты на этот счет ловок, надо правду сказать. Ткач еще на своих ногах, а ты примериваешь, какой ему сделать гроб.

Виганд. Кто хочет чего-нибудь достичь, тому зевать не приходится.

Хорниг. Да-да, ты и не зеваешь. Ты лучше всякого доктора знаешь, когда к ткачу должна придти смерть за его ребеночком.

Виганд (*только что улыбавшийся, вдруг выходит из себя*). А ты лучше самой полиции знаешь, кто из ткачей на руку не чист и кто прикарманивает себе каждую неделю по пучку шпуклек. Знаем мы тебя, пришел за тряпками, а при случае и от краденой пряжи не отказался.

Хорниг. А ты свой хлеб насущный добываешь с кладбища! Чем больше покойников, тем больше выгоды для тебя. Ты, небось, детским могилкам на кладбище счет ведешь и каждой новой могилке радуешься, гладишь себя по брюшку да приговариваешь: «В нынешнем году урожай! Маленькие покойнички нынче так и сыплются, словно майские жуки с

деревьев. А мне по такому случаю каждую неделю перепадет лишняя бутылочка винца».

Виганд. Хотя бы и так, все-таки я краденым не торгую.

Хорниг. Ты только богатому фабриканту при случае по два счета за одну работу подаешь, а то в темную безлунную ночь две-три дощечки стащишь с постройки Дрейсигера.

Виганд (*поворачивается к нему спиной*). Ты зря-то слова не бросай, говорить с тобой неохота. (*Снова быстро поворачивается к Хорнигу.*) Ты – враль, вот что!

Хорниг. Столяр по покойницкой части.

Виганд (*обращаясь к присутствующим*). Все знают, что он умеет скотину портить.

Хорниг. Ну, ты, поосторожнее! А то как бы я и тебя самого не испортил, благо, заговоры знаю.

Виганд бледнеет.

Фрау Вельцель (*подает коммивояжеру кофе*). Не прикажете ли подать вам кофе на чистую половину?

Коммивояжер. Сохрани боже! Я буду сидеть здесь по гроб жизни.

Входят молодой лесничий и крестьянин, у последнего в руках кнут. Говорят оба сразу: «Добрый вечер!»

Крестьянин. Позвольте нам по рюмочке имбирной. Вельцель. Здравствуйте, господа! (*Наливает водку.*)

Лесничий и крестьянин чокаются друг с другом, пьют и ставят пустые рюмки на стойку.

Коммивояжер. Что, господин лесничий, хороший конец сделали?

Лесничий. Порядочный! Я иду из Штейнзейферсдорфа.

Входят первый и второй старые ткачи и садятся за один стол с Баумертом и Хорнигом.

Коммивояжер. Извините, вы лесничий графа Гохгейма?

Лесничий. Нет, я служу в имении графа Кейльша.

Коммивояжер. Так-так, я и хотел сказать это самое. Здесь так много графов, баронов и разных сиятельных особ. Нужно иметь громадную память, чтобы запомнить все имена. А для чего у вас топор, господин лесничий?

Лесничий. Я его отнял у порубщиков.

Старый Баумерт. Наши господа помещики страсть как дорожат каждой щепочкой.

Коммивояжер. Позвольте, ведь нельзя же, чтобы всякий тащил все, что ему нужно!

Старый Баумерт. С позволения сказать, здесь, как и везде, есть и большие и маленькие воры. Здесь есть и такие люди, которые в больших размерах ведут торговли краденым лесом и обогащаются с этого. А вот если какой-нибудь бедный ткач...

Первый старый ткач (*перебывает Баумерта*). Мы не смеем взять и веточки хвороста, а вот господ, те, небось, не стесняясь, дерут с нас последнюю шкуру. Мы плати и налог на содержание полиции, мы неси и натуральные повинности, налог на пряжу, не говоря уже о том, что нас зря заставляют делать большие концы и всячески на господ работать.

Анзорге. Да оно так и есть: что на нашу долю оставит фабрикант, то у нас из кармана вытащит помещик.

Второй старый ткач (*сидящий за одним из соседних столов*). Я сам говорил об этом с нашим барином. «Покорнейше прошу извинения, господин граф, – сказал я ему, – но в этом году я не могу тратить столько дней на работу на барском дворе. Сил у меня не стало работать столько». А он спрашивает: «Это почему?» А я говорю: «Прошу прощения, у меня вода все испортила. Она размыла весь мой посев, а он и без того был невелик. Чтобы жить, приходится теперь работать день и ночь. Такая задалась непогода...» Эх, братцы-братцы, стою я да и руки себе ломаю. Всю мою вспаханную землю так и смыло с горы да и нанесло прямо мне в домишко. А семена-то, семена дорогие! Ох, господи-господи! И взвыл же я и всю неделю выл и плакал, чуть-чуть что не ослеп. А потом снова пришлось маяться: перетащил всю землю опять на гору.

Крестьянин (*зрубо*). Уж будет тебе плакаться-то! Наш брат должен терпеть без ропота все, что нам посылает господь. А если вам не больно-то хорошо живется, так сами в

этом виноваты. Что вы делали, когда дела шли лучше? Вы проиграли да пропили. Если бы вы тогда скопили деньжонок на черный день, то вам теперь не приходилось бы таскать пряжу да господские дрова.

Первый молодой ткач (*стоя с несколькими товарищами в сенях, говорит через дверь*). Мужик и есть мужик, хотя бы до девяти часов в постели валялся.

Первый старый ткач. Вот как обстоят наши дела – что крупный, что мелкий землевладелец – для нас все едино. Вот, например, когда ткачу нужна квартира, мужик говорит ему: «У меня найдется конура, где бы ты мог жить. Но за нее ты должен платить мне хорошие деньги, а кроме того, должен помогать мне убирать сено и хлеб, а коли ты на это не согласен, я не согласен дать тебе конуру». А пойдя ткач к другому мужику, другой скажет ему то же самое, и третий то же.

Старый ткач. Ткач – что вол: с него и семь шкур содрать не грех.

Крестьянин (*рассерженный*). Ах, вы, голодная дрянь! Да на что вы годны-то? Разве вы с сохой-то справитесь? Да вам ни за что не проложить ни одной прямой борозды, вам и снопа-то на воз не поднять! Ваше дело – лентяйничать да с бабами возиться. Велика польза от вас, нечего сказать, шушера вы этакая. (*Кланяется хозяину и уходит.*)

Лесничий, смеясь, выходит вслед за ним. Вельцель, сто-

ляр и фрау Вельцель громко смеются, коммивояжер посмеивается про себя.

Когда смех смолкает, наступает тишина.

Хорниг. Ай да мужик! Сердит, словно породистый вол... Да что уж тут говорить: знаю я, какая здесь нужда. Чего-чего только я не видал своими глазами в здешних деревнях! Вчетвером и впятером люди лежат голые на мешке с соломой. Вот и вся их постель.

Коммивояжер (*тоном мягкого выговора*). Позвольте же, милейший. Ведь существуют очень различные мнения относительно тяжелого положения здешних горных жителей. Если вы умеете читать...

Хорниг. Я полагаю, что читаю не хуже вашего, господин. Нет, уж извините. Кому и знать, как не мне? Потолчешься да потолкаешься в здешних краях лет сорок с котомкой на горбу, так кое-что узнаешь в конце концов. А что было с Фульнерами? Дети копались в навозе вместе с соседними гусями. И все умерли голые на каменном полу. С отчаяния они ели вонючий клей... Да, голод здесь унес не одну сотню людей.

Коммивояжер. Если вы умеете читать, так вы должны знать, что по инициативе правительства производятся точные исследования и что...

Хорниг. Знаем мы это, знаем. Придет от правительства этакий господин – и все-то он знает заранее, а сам еще ничего не видал своими глазами. Побродит немножко у самого

устья ручья, где у нас стоят лучшие дома, а дальше и не пойдёт – жаль, видите ли, пачкать красивые блестящие сапоги. Вот он и думает, что во всей деревне так же хорошо, как и там, а потом сел в коляску да и уехал, только и всего. А после того этот самый пишет в Берлин: так, мол, и так, нет никакой нужды! А будь у него хоть немножко терпения, и заберись он немножко выше в гору, вверх по течению ручья, и загляни он хоть через речку на окраину деревни, он бы не то увидел. Небось, он не видел лачужек – тех самых, что чернеют на горах, словно какие-то старые гнезда, а онж вон какие – прокоптелые и развалившиеся. Кажется, одной спички довольно, чтобы их поджечь. Вот если бы он на эти лачужки посмотрел, так, небось, должен бы был написать в Берлин совсем другое. Пусть бы они ко мне пожаловали, эти чиновные господа от правительства, которые не хотят верить, что у нас действительно нужда. Я бы им кое-что рассказал. Уж я бы открыл им глаза, уж показал бы им все наши голодные трущобы.

За кулисами поют песню ткачей.

Вельцель. Вот они опять поют свою чертовскую песню.

Виганд. Они всю деревню перевернут вверх ногами!

Фрау Вельцель. Точно в воздухе что-то носится.

Иегер и Бекер входят под руку, за ними кучка молодых

ткачей. Они с шумом вваливаются в сени, а оттуда – в комнату.

Иегер. Эскадрон, стой! По местам.

Вошедшие садятся у столов, где сидят уже другие ткачи, и начинают с ними разговаривать.

Хорниг (*кричит Бекеру*). Ну, скажи, пожалуйста, что такое случилось? Почему это вы нынче ходите целыми кучками?

Бекер (*многозначительно*). Пока что еще не случилось ничего, а может быть, что-нибудь случится. Правда, Мориц?

Хорниг. Ну, вот еще выдумали! Оставьте вы ваши штуки.

Бекер. Кровь уже текла. Хочешь, гляди! (*Он заворачивает рукав до плеча и показывает следы только что привитой оспы. Другие молодые ткачи делают то же самое.*) Мы были у фельдшера Шмита, он нам привил оспу.

Хорниг. Ну, теперь я понимаю. Ничего нет удивительного, что на улицах стоит такой шум. Когда такие сорванцы по деревне шляются...

Иегер (*с важным, надутым видом, громким голосом*). Две квартиры сюда сразу, Вельцель. Я плачу за обе. Может, ты думаешь, у меня нет денег? Как бы не так! Коли мы захотим, мы тоже можем водку пить и кофеем угощаться вплоть до завтрашнего дня, не хуже какого-нибудь приказчика.

Хохот среди молодых ткачей.

Коммивояжер (с комическим изумлением). Уж не насчет ли моей особы изволите говорить?

Хозяин, хозяйка, их дочь и коммивояжер смеются.

Иегер. Про того и говорим, кто на свой счет принимает.

Коммивояжер. Позвольте, молодой человек, видно, ваши дела идут прекрасно.

Иегер. Мне не на что пожаловаться. Я коммивояжер по части готового платья. Мы с фабрикантом барыши пополам делим. Чем больше голодает ткач, тем жирнее я обедаю. Чем горше их нужда, тем слаще моя еда.

Бекер. Молодчина! Твое здоровье, Мориц.

Вельцель (*подает ткачам водку. Отойдя, от них, у стойки он останавливается и медленно, со свойственной ему вялостью и флегматичностью, обращается опять к ткачам*). Этого господина вы оставьте в покое: он вас ничем не задевал.

Голоса молодых ткачей. Ведь и мы его не задевали.

Фрау Вельцель перекинулась несколькими словами с коммивояжером. Она берет его чашку с кофе и выносит ее в соседнюю комнату. Коммивояжер идет за ней туда же. Ткачи

смеются им вслед.

Голоса молодых ткачей (*поют*).

Кто сыт и кто жиреет
без праведных трудов...

Вельцель. Тише-тише. Эту песню вы пойте где хотите, только не в моем доме.

Первый старый ткач. Он правду говорит. Бросьте эту песню!

Бекер. А перед Дрейсигером мы еще устроим торжественное шествие. Надо же ему еще разок послушать нашу песню.

Виганд. Ну, вы! Смотрите, очень-то не шумите. Как бы и для вас чего не вышло.

Хохот и крики «ого!». Входит Виттих. Это старый седой кузнец; пришел прямо из кузницы; закоптелый, без шапки, в фартуке, в деревянных башмаках. Войдя, он останавливается у стойки в ожидании рюмки водки.

Виттих. Пусть их, пусть позабавятся. Коли собака громко лает, значит, она больно кусается.

Голоса старых ткачей. Эй, Виттих, Виттих.

Виттих. Он самый. Чего надо?

Голоса старых ткачей. Виттих пришел, Виттих! – Иди сюда, Виттих, подсаживайся к нам! – Сюда, сюда, дядя Виттих!

Виттих. Ну, вот еще! Стану я якшаться с такими нехристями!

Иегер. Поди-ка сюда, выпей с нами.

Виттих. Оставь свою водку при себе. Коли я пить захочу, я сам и платить буду. *(Берет свою рюмку и подсаживается к Баумерту и Анзорге. Хлопает последнего по животу.)* Скажи, брат ткач, здесь кушанье какое? Капуста да из вшей жаркое?

Старый Баумерт. Что и говорить, кушанье прекрасное. А вот мы, ткачи, им недовольны.

Виттих *(с поддельным изумлением таращит глаза на Баумерта)*. Что ты, что ты? Да ты ли это, Гейнрих? *(Хохочет.)* Ну, братцы, животики от смеха подвело. Старый Баумерт хочет устроить революцию. Ну, теперь дело пойдет на лад; сперва начнут портные, а потом взбунтуются барашки, а за ними крысы и мыши. Господи владыко! То-то начнется кутерьма!

Старый Баумерт. Видишь ли, Виттих, ведь я все такой же, каким был прежде. Я и теперь говорю: если бы можно было сделать все по-хорошему, это было бы самое лучшее.

Виттих. Вот еще! Дело пойти-то пойдет, да не по-хорошему. Да где же такие дела делались по-хорошему? Разве они делались по-хорошему во Франции? Разве Робеспьер

богатых-то по головке гладил? Тогда расправа была коротка: долой всех негодяев! На гильотину их! Так оно и везде должно быть: «алон занфан»! Жареные-то гуси сами в рот не летят.

Старый Баумерт. Уж если бы я мог пробиться хоть как-нибудь.

Первый старый ткач. Поверь, Виттих, нам совсем невтерпеж стало.

Второй старый ткач. И домой-то идти тошнехонько. В постели валяемся – голодаем; работаем – тоже голодаем.

Первый старый ткач. Дома можно с ума сойти.

Анзорге. А по мне все едино, что ни случись.

Голоса старых ткачей (*с возрастающим возбуждением*), И нигде-то нам покоя нет. – Силушки совсем не стало работать. – У нас в деревне один ткач уже рехнулся: целыми днями сидит нагишом у ручья и моется!

Третий старый ткач (*поднимается, возбужденный вином, и говорит заплетающимся языком с угрожающим жестом, подняв кверху палец*). В воздухе пахнет судом! Не изменяйте своим. В воздухе пахнет судом! Господь бог...

Некоторые смеются. Его насильно усаживают.

Вельцель. Этому довольно и одной рюмки – сейчас в голову ударит.

Третий старый ткач (*снова вскакивает*). Какой там бог?

Не верят они в бога! Нет для них ни рая, ни ада. Над верой они только смеются.

Первый старый ткач. Ну, будет тебе, будет!

Бекер. Пусть выскажется. Пусть прочтет свою отповедь. Может быть, кое-кому она и пригодится.

Многие голоса (*кричат в беспорядке*). Пусть его говорит, пусть говорит.

Третий старый ткач. Вот ад разинул безмерную пасть свою, чтобы принять туда всех тех, кто идет против бедных и попирает права несчастных. Так говорит господь...

Волнение.

Третий старый ткач (*вдруг принимается декламировать, как школьник*).

Меня, ей-богу, это удивляет:

Ткачей холста все страшно презирают.

Бекер. Да ведь мы работаем нанку!

Хохот.

Хорниг. На льняных фабриках ткачам приходится еще хуже – те бродят по своим горам, бледные, словно покойники. А у вас еще хватает сил, чтобы бунтовать.

Виттих. По-твоему, страшнее нынешних времен уж ничего не будет. Погоди, небось, фабрикант еще выколотит из

них и последние силенки.

Бекер. Ведь он и так сказал: настанут, и такие времена, когда ткачи будут работать и за одну корку хлеба.

Волнение.

Многие старые и молодые ткачи. Кто это сказал?

Бекер. Это Дрейсигер сказал про ткачей.

Молодой ткач. Эту гадину нужно повесить прежде всех!

Иегер. Послушай, Виттих. Ты всегда так много рассказывал про французскую революцию. По этому поводу ты много говорил хороших слов. Ну, так вот что я тебе скажу: скоро ты на деле сможешь показать, кто ты такой – пустой болтун или честный человек.

Виттих (*всплыв*). Ты у меня только пикни, молокосос! Слышал ли ты когда-нибудь, как пули свистят? Стоял ли когда-нибудь на форпостах в неприятельской стране?

Иегер. Ну, будет тебе браниться. Ведь мы же товарищи. Я ничего обидного не хотел сказать.

Виттих. Плевать мне на такого товарища, как ты. Ах, ты чучело!

Жандарм Кутче входит.

Несколько голосов. Ш-ш-ш-ш, полиция!

Долгое время раздаётся шиканье, пока, наконец, не водворяется тишина.

Кутче (*садится за круглый стол посреди комнаты при глубоком молчании всех окружающих*). Рюмочку водки, пожалуйста.

Снова полная тишина в молчание.

Виттих. Ну, что, Кутче, приехал к нам порядок наводить?

Кутче (*не обращая внимания на Виттиха*). Здорово, хозяин!

Виганд (*из-за своего угла за стойкой*). Благодарствуй, Кутче.

Кутче. Ну, как дела?

Виганд. Спасибо, ничего себе.

Бекер. Начальство господина Кутче боится за нас, как бы мы не объелись, благо, нам жалованье большое платят.

Смех.

Иегер. Правда, Вельцель, ведь мы ели свинину и клецки с кислой капустой, а теперь сейчас будем пить шампанское.

Смех.

Вельцель. А вот и солнышко выглянуло.

Кутче. Если вам дать жаркого да шапмапского, вы и этим не будете довольны. Ведь вот и я не пью шампанского и должен с этим мириться.

Бекер (*указывая на нос Кутче*). Этот поливает свой красный огурец водкой и пивом. Такой огурец от этого созревает отлично.

Смех.

Виттих. У жандарма ведь тоже жизнь не легкая: то изголодавшегося нищего мальчишку в кутузку надо сажать, а там надо соблазнить хорошенькую девушку-ткачиху, потом надо нализаться до чертиков и так избить жену, чтобы она убежала со страху к соседям; и на лошади гарцовать надо, и на перине пуховой лежать до девяти часов – ведь все это нелегкие дела.

Кутче. Болтай, сколько хочешь. Рано или поздно ты себе сломаешь-таки шею. Ведь все давно знают, что ты за птица. Твоя бунтовщицкая болтовня всем известна, и начальство тоже про нее знает. Знаем мы таких, как ты. Пьют водку и шляются по кабакам, пока не доведут жену и детей до сумы, а самих себя до тюрьмы. Знаем мы таких, которые бунтуют и будоражат народ, пока сами не попадут в беду.

Виттих (*смеется с горечью*). Ну, что будет, что случится, об этом кто знает. А насчет беды, может быть, ты и правду

говоришь. *(С неудержимо прорвавшейся злобой.)* А на это я вот что скажу: коли дело до этого дойдет, то, по крайней мере, я буду знать, кто про меня насплетничал фабриканту, и кто меня очернил и оклеветал перед другими господами, и отчего мне больше не дают работы, буду знать и про то, кто натравил на меня мужиков и мельников и отчего ко мне ни одной лошади больше не приводят, ни одного колеса мне починить не дают. Знаю я, знаю, кто все это наделал. Я тебя, паршивая каналья, раз уже стащил с лошади, когда ты бил кнутом маленького глупого мальчика за какие-то зеленые груши... А теперь вперед говорю, чтобы ты знал: коли ты меня засадишь в тюрьму – пиши сейчас же свое завещание. Лишь только я услышу еще раз о чем-нибудь, как возьму, что попадется под руку – подкову так подкову, молоток так молоток, ведро так ведро, – и отправлюсь тебя искать. Коли даже на кровати найду – с кровати сволоку и башку пробью, не будь я Виттих, коли я этого не сделаю. *(Вскакивает и наступает на Кутче.)*

Молодые и старые ткачи *(удерживают его)*. Виттих, да ты с ума сошел.

Кутче *(поднимается, лицо его бледнеет. Говоря следующие слова, он понемногу пододвигается к двери. Чем больше к ней приближается, тем смелее становится. Последние слова он говорит уж на пороге и, кончив свою речь, тотчас же исчезает)*. Ты чего ко мне пристал? Что тебе от меня нужно? Разговаривать с тобой мне не о чем! Мне надо

поговорить со здешними ткачами. Я тебе ничего не сделал. До тебя мне нет никакого дела. А ткачам я должен передать вот что: господин исправник велел мне запретить вам петь эту песню – песню Дрейсигера, или как вы ее там называете. И если этот галдеж на улицах не прекратится, то г[осподин] исправник позаботится о том, чтобы всех вас усадить в тюрьму. Там у вас будет больше покоя и свободного времени, там вы можете петь, сколько вашей душеньке угодно, сидя на хлебе и на воде. (*Уходит.*)

Виттих (*кричит ему вслед*). Как он смеет нам что-нибудь запрещать? Захотим кричать – и будем, да так, что окна задрожат и в Рейхенбахе слышно будет. Захотим петь – и будем, да так, что дома фабрикантов свалятся им на головы и каски на головах у жандармов запляшут, – и никому до этого дела нет.

Бекер встает и подает знак, чтобы начинали петь. Он начинает первый. Остальные подхватывают.

Есть суд, неправый, злобный суд
Для бедняков родной долины,
Без приговора здесь убьют,
Замучат без причины.
Здесь враг глумится над душой,
А мы молчим лишь терпеливо,
И только слышен вздох порой,
Свидетель горя молчаливый.

Хозяин старается остановить пение, но никто его не слушает. Виганд затыкает уши и убегает. Во время пения следующего куплета все поднимаются и идут вслед за Виттихом и Бекером, которые кивками и знаками приглашают всех следовать за собой.

Здесь Дрейсигер – палач и князь –
Царит средь бедности унылой,
Один пирует, веселясь,
Над нашей жалкою могилой.
Так будьте ж прокляты, злодеи,
Пока проклятья мы лишь шлем,
Но час придет – и ваши шеи
Веревкой с петлей обовьем.

Большая часть ткачей поет этот куплет уже на улице, только некоторые молодые ткачи еще расплачиваются с хозяином около стойки. В конце следующего куплета в комнате остаются Вельцель, его жена, его дочь, Хорниг и старый Баумерт.

Напрасны просьбы и моления,
Напрасны жалобы врагам.
«Не хочешь – так умри ж в мученьи», –
Ответ голодным беднякам.
Взгляните же на их страданья,
Взгляните же на их нужду,

И если нет в вас сострадания,
Не здесь вам место, а в аду.
Да, сострадания! Это чувство
Поймет ли сытый господин?
Ему понятно лишь искусство
Драть десять шкур с рабочих спин.

Вельцель (*со спокойным и равнодушным видом убирает стаканы*). Что это они сегодня словно с цепи сорвались?

Старый Баумерт собирается уходить.

Хорниг. Скажи мне, пожалуйста, Баумерт, что это они затевают?

Старый Баумерт. Они хотят идти к Дрейсигеру – пусть-ка он увеличит плату за работу.

Вельцель. Неужто и ты принимаешь участие в этих глупостях?

Старый Баумерт. Видишь ли, Вельцель, ведь я не один. Молодежь затекает, а старикам отставать не приходится. (*Уходит, несколько смущенный*).

Хорниг (*поднимается*). Ну, будет чудо, коли дело здесь не дойдет до беды.

Вельцель. И старики туда же тянутся, совсем с ума сошли!

Хорниг. Каждый человек своего добивается!

Действие четвертое

Действующие лица

Бекер.

Мориц Иегер.

Старый Баумерт.

Анзорге.

Дрейсигер.

Пфейфер.

Витгих.

Кутче.

Фрау Дрейсигер.

Киттельгаус, пастор.

Фрау Киттельгаус.

Вейнгольд, кандидат теологии, учитель в доме Дрейсигера.

Хейде, исправник.

Кучер Йоган.

Старые и молодые ткачи и ткачихи.

Петерсвальдау. Комната в квартире фабриканта Дрейсигера. Роскошное помещение, меблированное весьма уютно в стиле первой половины девятнадцатого столетия. Потолок, двери и печи белого цвета, рисунок обоев полоса-

тый с мелкими цветочками, холодного, свищово-серого тона. Мягкая мебель красного дерева с роскошной резьбой обита красной шелковой материей; шкафчики и стулья, также красного дерева, распределены следующим образом: направо, между двумя окнами, полузавешенными красными шелковыми занавесями, стоит старинное бюро в виде шкафа, передняя стенка которого может откидываться вперед, образуя таким способом письменный стол, против бюро – диван, недалеко от дивана – железный денежный шкаф. Перед диваном стол, стулья и кресла, на задней стене шкаф с оружием. На стенах множество плохих картин в золотых рамах. Над диваном висит зеркало в золотой раме в стиле рококо. Налево одностворчатая дверь ведет в прихожую; открытая двустворчатая дверь в задней стене ведет в залу, такую же неуютную и отделанную с той же безвкусной роскошью. В зале сидят две дамы – фрау Дрейсигер и фрау Киттельгаус; обе заняты рассматриванием картинок. Там же пастор Киттельгаус, разговаривающий с учителем, кандидатом Вейнгольдом.

Киттельгаус (приветливый человек маленького роста; входит, оживленно беседуя с кандидатом, в переднюю комнату. Оба курят. Пастор осматривается, как бы ища кого-то глазами, и, не найдя никого, покачивает головой). В этом нет ничего удивительного: вы молоды. В ваши годы и мы, старики, придерживались если не таких же взглядов, ка-

кие у вас, то, во всяком случае, весьма сходных, да. Мало того, есть что-то прекрасное в этой поре юности – во всех этих высоких идеалах, г[осподи]н кандидат. Но, к сожалению, они очень мимолетны – мимолетны, как апрельское солнце. Вот поживите-ка с мое. Если в течение тридцати лет по пятьдесят два раза в год, не считая праздников, придется произносить с кафедры проповеди, то в конце концов поневоле станешь несколько спокойнее. Когда и вы поживете с мое, г[осподи]н кандидат, вы припомните мои слова.

Вейнгольд (*19-тилетний юноша, высокий, худой, с длинными белокурыми волосами*). При всем моем уважении к вам, г[осподи]н пастор, я все-таки... мне кажется, что существует известное различие в натурах.

Киттельгаус. Милейший г[осподи]н кандидат, каким бы беспокойным духом вы ни обладали (*тоном мягкого упрека*), а дух у вас очень-очень беспокойный, как бы резко и ретиво вы ни осуждали ныне существующие общественные отношения – все это в вас уляжется. Конечно, я не отрицаю, что и в нашей пастырской среде есть люди, которые и в довольно пожилом возрасте еще способны на чисто юношеские увлечения. Один проповедник проповедует, например, против заразы пьянства и устраивает общества трезвости, другой сочиняет воззвания, которые, нужно отдать справедливость их автору, нельзя даже читать без некоторого волнения. Но что же достигается всем этим? Там, где среди ткачей существует нужда, она от этого не уменьшается, но зато общественному

спокойствию наносится несомненный ущерб. Да-да, невольно хочется сказать: пусть каждый остается при своем деле: сапожник знай свои колодки, а ты, призванный пещись о душах, оставь попечение о желудках! Проповедуй лишь слово божие, а обо всем прочем предоставь заботиться тому, кто дает птицам небесным и кров, и пищу и кто печется о полевой лилии. Однако я положительно желал бы знать, куда девался наш любезный хозяин?

Фрау Дрейсигер (*входит в переднюю комнату в сопровождении фрау Киттельгаус. Фрау Дрейсигер – не дурная собой тридцатилетняя женщина крепкого и сильного телосложения. Невольно бросается в глаза некоторое несоответствие между ее манерами и произношением, с одной стороны, и ее роскошным туалетом – с другой*). Вы совершенно правы, господин пастор. Вильгельм всегда так: уж если ему что-нибудь взбредет на ум, он и убежит, ни слова не говоря, а я и сиди одна. Я уж сколько раз выговаривала ему это. Но ведь с ним что говори, что не говори – все равно не слушает!

Киттельгаус. Ах, дорогая фрау Дрейсигер, на то он и деловой человек.

Вейнгольд. Если я не ошибаюсь, в нижнем этаже что-то случилось.

Дрейсигер (*входит, красный и взволнованный*). Ну, что ж, Роза, кофе подан?

Фрау Дрейсигер (*недовольным тоном*). И где это ты вечно пропадаешь?

Дрейсигер (*мимоходом*). Ах, ты ничего не понимаешь.

Киттельгаус. Простите, г[осподи]н Дрейсигер, у вас какая-нибудь неприятность?

Дрейсигер. У меня каждый божий день неприятности, милейший господин пастор. Я к этому уже привык. Ну, что же, Роза? Ты позаботишься о кофе?

Фрау Дрейсигер встает с недовольным видом и несколько раз сильно дергает за широкую вышитую сонетку.

Именно теперь... я бы, господин кандидат (*немного запинаясь*), очень хотел, чтобы вы побывали там, внизу, именно теперь... и чтобы вы видели все своими глазами. О, вы бы тогда кое-что восчувствовали... А впрочем, сядемте-ка за наш вист.

Киттельгаус. Да, да и еще раз да! Отряхните с плеч ваших всю тяжесть повседневных забот и отдайтесь всецело нам!

Дрейсигер (*подходит к окошку, отодвигает занавеску и смотрит. Невольно вскрикивает*). У-у, проклятая шайка! Роза, поди-ка сюда!

Она подходит.

Скажи мне, пожалуйста, видишь того рыжего долговязого детину?..

Киттельгаус. Это так называемый «рыжий Бекер».

Дрейсигер. Скажи мне, пожалуйста, не тот ли это самый, который тебя оскорбил три дня тому назад? Помнишь, ты мне рассказывала, когда Иоган помогал тебе садиться в карету?

Фрау Дрейсигер (*делает кислую гримасу и говорит протяжно*). Я, право, уж не знаю...

Дрейсигер. Да перестань же ты дуться! Мне необходимо это знать. С меня довольно этих дерзостей. Если это тот самый, я привлеку его к ответственности.

Снизу доносится песня ткачей.

Ну, прислушайтесь-ка – слышите, что поют?

Киттельгаус (*возмущенный*). Когда же, наконец, кончится это безобразие? Теперь уже и я должен сказать: настало время вмешаться полиции. Позвольте-ка. (*Подходит к окну.*) Полюбуйтесь, господин Вейнгольд! Тут уж не одна молодежь, среди них множество пожилых и даже старых ткачей; ткачей, которых я считал до сих пор за людей богобоязненных... И те туда же! Бегут и участвуют в неслыханных безобразиях! И попирают ногами божеские законы. Неужели вы и теперь еще будете заступаться за этих людей?

Вейнгольд. Конечно, я не решусь, господин пастор. Но

ведь это голодные, невежественные люди. Они выражают свое недовольство, как умеют. Нельзя и требовать, чтобы эти люди...

Фрау Киттельгаус (*маленькая, худая, поблекшая особа, скорее похожая на старую деву, чем на женщину*). Ах, что вы, господин Вейнгольд!

Дрейсигер. Господин кандидат, я весьма сожалею... я взял вас в свой дом не для того, чтобы вы читали мне лекции о гуманности. Я прошу вас ограничиться лишь воспитанием моих мальчиков и отказаться от всякого дальнейшего вмешательства в мои дела. Эти дела касаются меня и только меня. Надеюсь, вы меня поняли?

Вейнгольд (*одно мгновение стоит бледный и неподвижный; потом раскланивается с принужденной улыбкой*). Разумеется, я вас понял. Да я этого и ожидал; это вполне соответствует моим желаниям. (*Уходит.*)

Дрейсигер (*грубо*). В таком случае поторопитесь! Нам нужна комната!

Фрау Дрейсигер. Послушай, Вильгельм!

Дрейсигер. Да в уме ли ты? Ты берешь под свое покровительство человека, который еще может защищать такие мерзости и подлости?

Фрау Дрейсигер. Но послушай, дружок, ведь он же совсем не...

Дрейсигер. Ну, скажите вы, господин пастор, защищал он или не защищал?

Киттельгаус. Господин Дрейсигер! Всею виной его молодость.

Фрау Киттельгаус. Уж, право, не знаю! Это молодой человек из прекрасной, почтенной семьи. Его отец сорок лет служил на государственной службе и не был замечен ни в чем предосудительном. Его мать была так счастлива, когда он нашел себе здесь такое прекрасное место. А теперь... теперь оказалось, что он так мало ценит все это...

Пфейфер (*открывает входную дверь и кричит в нее*). Господин Дрейсигер, они его сцапали! Идите скорей сюда, одного поймали!

Дрейсигер (*быстро*). Побежал кто-нибудь за полицией?

Пфейфер. Господин исправник уже поднимаются по лестнице.

Дрейсигер (*в дверях*). Мое почтение, господин исправник! Как я рад, что вы пожаловали!

Киттельгаус знаками показывает дамам, что следует уйти. Он сам, его жена и фрау Дрейсигер уходят в залу.

Дрейсигер (*сильно взволнованный, обращается к только что вошедшему исправнику*). Господин исправник, я велел моим красильщикам схватить одного из певцов. Дольше терпеть было невозможно. Их нахальство перешло всякие границы. Это просто возмутительно, у меня гости, а эти негодяи вдруг осмеливаются... Они оскорбляют мою жену,

когда она показывается на улице. Я не могу быть спокоен за жизнь моих детей. Весьма возможно, что они угостят и моих гостей пинкамн. Смею вас уверить, если в благоустроенном обществе возможно, чтобы такие люди, которые не делают никому никакого зла, как, например, я и моя семья, то и дело подвергались публичным оскорблениям... если уж это возможно, то я... я, к сожалению, должен сказать, что мои понятия о праве и общественном благоустройстве совершенно иные.

Исправник (*человек лет 50-ти, толстый, полнокровный. На нем мундир, шага и сапоги со шпорами*). Ах, что вы, господин Дрейсигер! Распоряжайтесь мной всецело. Успокойтесь, я совершенно в вашем распоряжении. Это вполне в порядке вещей... мне даже очень приятно, что вы схватили одного из главных крикунов. Я очень доволен тем, что это дело, наконец, выясняется. Здесь несколько смутьянов, они уже давно у меня на примете.

Дрейсигер. Все это – подростки, да и тех всего несколько человек; все это – завзятые лентяи, питающие отвращение к честному труду. Известно, что это за народ: образ жизни они ведут безобразный, день и ночь проводят в кабаках, пропивают последние гроши. О, я теперь твердо решил, что надо делать. О, я заткну глотки этим профессиональным крикунам и ругателям, заткну раз навсегда. Этого требуют не только мои интересы, но и интересы всего государственного и общественного строя.

Исправник. Безусловно, несомненно, господин Дрейсгер. И никто вас за его не осудит, даже наоборот... И я, со своей стороны, по мере сил и возможности...

Дрейсгер. Их бы розгами следовало, эту дрянь...

Исправник. Совершенно верно. Их нужно как следует проучить для примера.

Жандарм Кутче (*входит и становится во фронт перед исправником. Дверь в прихожую открыта, и через нее слышен топот тяжелых шагов по лестнице*). Господин исправник, честь имею доложить: одного человека мы задержали...

Дрейсгер. Хотите видеть этого человека, господин исправник?

Исправник. Конечно, конечно, прежде всего мы рассмотрим его как следует вблизи. Пожалуйста, господин Дрейсгер, будьте совершенно спокойны. Я вам доставлю полное удовлетворение; за это я вам ручаюсь.

Дрейсгер. Я этим не могу удовлетвориться. Я непременно должен передать его прокурору.

Входит Иегер. Его ведут пять человек красильщиков. По всему видно, что они ушли прямо от работы: лица, руки и одежда их забрызганы краской. Фуражка Иегера съехала на бок, вид у него веселый и развязный; он в несколько приподнятом настроении вследствие выпитой водки.

Иегер. Ах, вы, негодяи вы такие! А еще рабочими на-

зываетесь! Тоже товарищи, нечего сказать! У меня бы рука отсохла прежде, чем я решился бы хоть пальцем тронуть одного из товарищей.

По знаку исправника Кутче приказывает красильщикам отойти от Иегера в сторону. Иегер стоит совершенно свободно; ко всем дверям приставлены сторожа.

Исправник (*кричит на Иегера*). Шапку долей, болван!

Иегер снимает шапку, но очень медленно и нехотя и с иронической улыбкой на лице.

Как тебя звать?

Иегер. Чего ты меня тыкаешь? Свиной я пас с тобой, что ли?

Эти слова вызывают движение среди присутствующих.

Дрейсигер. Это уж бог знает что такое!

Исправник (*меняется в лице, вспыхивает, но тотчас же овладевает собою*). Ну, это мы там посмотрим. Я тебя спрашиваю, как тебя зовут.

Иегер не отвечает. Исправник злобно кричит.

Отвечай, болван, или я тебе велю всыпать 25 розог.

Иегер (*при последних словах исправника ни одна черточка на его лице не дрогнула. Говорит, обращаясь через головы присутствующих к хорошенькой горничной, которая входит с подносом в руках и останавливается с разинутым ртом при виде неожиданного зрелища*). Ну, скажи мне, пожалуйста, Эмилия, и ты теперь с ними заодно? Смотри, удирай-ка ты от них поскорее! Ты смотри, скоро здесь может подуть такой ветер, что ничего после него не останется.

Горничная смотрит вытаращенными глазами на Иегера; поняв, что речь Иегера относится к ней, роняет поднос с посудой, закрывает лицо руками и убегает, оставляя всю посуду и осколки на полу. Среди присутствующих движение.

Исправник (*растерянно обращается к Дрейсигеру*). Сколько лет я живу на свете... а такого невероятного нахальства никогда не...

Иегер сплевывает на пол.

Дрейсигер. Эй ты, дубина! Ты [не] на скотном дворе, слышишь?

Исправник. Наконец, мое терпение лопнуло. В последний раз я тебя спрашиваю – как твое имя?

Киттельгаус (*в течение последней сцены он подглядывал*

и подслушивал через полуоткрытую дверь залы; теперь, не выдержав, он входит в комнату, весь дрожа, и в большом волнении вмешивается в разговор). Его зовут Иегер, господин исправник. Мориц... ведь правда? Мориц Иегер. (*Обращаясь к Иегеру.*) Ну, скажи-ка, Иегер, разве ты меня уж не узнаешь?

Иегер (*серьезно*). Вы – пастырь Киттельгаус.

Киттельгаус. Да, это я, твой духовный отец, Иегер. Тот самый, который сподобил тебя святого крещения, когда ты был еще в пленках, тот самый, из чьих рук ты впервые приобщился тела господня... Разве ты и это забыл? Как старался я тогда внушить тебе слово божие, как страстно я желал, чтобы ты проникся им! И вот благодарность.

Иегер (*наступившись, с видом провинившегося ученика*). Я же ведь вам тогда положил целый талер денег.

Киттельгаус. Деньги, деньги! Ты, может быть, думаешь, что презренный металл... оставь свои деньги при себе! Будь честен, будь христианином! Думай о тех обетах, которые ты давал господу. Соблюдай заповеди божьи, будь кроток и богобоязнен. А деньги, деньги...

Иегер. Я – квакер, господин пастор, я ни во что больше не верю.

Киттельгаус. Ах, не говори вздора! Постарайся-ка лучше исправиться и не говори таких слов, которых ты сам не понимаешь. Квакеры – люди верующие, а не такие язычники, как ты. Квакер, квакер!

Исправник. С вашего позволения, господин пастор. (*Он останавливается между ним и Иегером.*) Кутче, свяжите ему руки!

С улицы слышны крики: «Иегер, Иегер, сюда!»

Дрейсигер (*подходит к окну; он и другие присутствующие заметно встревожены*). Что же это опять такое?

Исправник. О, я понимаю! Они хотят, чтобы мы отпустили этого негодяя! Ну, нет! этого удовольствия мы ви никогда не доставим. Поняли, Кутче? Посадите его под арест.

Кутче (*с веревкой в руках, медлит*). Честь имею доложить вашему благородию: будут у нас из-за него большие неприятности. Ведь их тут целая толпа... настоящая разбойничья шайка, ваше благородие. Здесь и Бекер, здесь и кузнец.

Киттельгаус. С вашего позволения, господин исправник, во избежание дальнейшего обострения отношений, может быть, было бы желательно покончить все это мирно. Может быть, Иегер даст обещание добровольно пойти за вами.

Исправник. Что вы, что вы? Ведь он на моей ответственности. Я никак не могу поступить иначе. Живее, Кутче, прохладиться-то нечего!

Иегер (*со смехом протягивает сложенные руки*). Крепче, крепче, изо всей силы. Все равно ведь не надолго!

Кутче связывает его с помощью красильщиков.

Исправник. Они пойдут по обе его стороны. Я поеду вер-
хом впереди, Кутче пойдет сзади. Всякого, кто сделает по-
пытку его освободить, я изрублю в куски.

Снизу слышны крики «кикерики-и-и» и «вау-вау-вау».

Исправник (*грозит кулаком в окно*). Канальи! Я вам по-
кажу кикерики и вау-вау-вау! Марш, вперед! (*Идет вперед с*
обнаженной шпагой. Иегер и другие идут за ним.)

Иегер (*кричит, уходя*). Какую бы гордячку ни корчила из
себя барыня Дрейсигерша, а все-таки она нашего поля ягода!
Не одну сотню раз она подавала моему отцу водки на три
пфеннига. Налево кругом марш! (*Уходит, смеясь*).

Дрейсигер (*после молчания, с напускным спокойстви-
ем*). Как вы думаете, господин пастор, не приняться ли нам
теперь за вист? Кажется, теперь уж нам ничего не помеша-
ет. (*Он зажигает сигару. Несколько раз у него прорывается*
короткий смех; сигара загорается, и он громко начинает
смеяться.) Ну, теперь вся эта история начинает меня сме-
шить. Этакий болван! (*В припадке нервного смеха.*) Ведь это
невероятно смешно! Прежде всего этот скандал с кандида-
том; через пять минут он уже раскланивается – только его и
видели! Потом эта история. Давайте же хоть теперь продол-
жать наш вист.

Киттельгаус. Да, но...

Снизу слышен глухой ропот.

Но все-таки... Знаете, эти люди так страшно скандалят...

Дрейсигер. Перейдемте просто-напросто в другую комнату. Там нам никто не помешает.

Киттельгаус (*качает головой*). Я совершенно не в силах понять, что творится с этим народом. Я должен отдать справедливость кандидату: до последнего времени по крайней мере я сам придерживался того мнения, что ткачи – скромная, терпеливая и покладистая порода людей. Разве вы не были такого же мнения о них, господин Дрейсигер?

Дрейсигер. Конечно, они были людьми терпеливыми и покладистыми! И вообще были людьми благонравными... и порядочными. Именно такими, но только это было тогда, когда всякие там гуманные доброжелатели не совали носа в их жизнь. А теперь ткачам уже давно стараются растолковать, что они живут в ужасной нужде. Ну, посудите сами, сколько теперь всевозможных обществ и комитетов для борьбы с нуждой ткачей. И кто теперь их в этом разубедит? Теперь уж они никого не слушают. Воркотне и ропоту конца нет. То это им не по вкусу, то другое. Теперь им только птичьего молока недостает!

Внезапно доносится громкое «ура!», которое все усилива-

ется. Кричат многочисленные голоса.

Киттельгаус. И в конце концов из всей этой гуманности вышло только то, что за одну ночь овцы буквально превратились в волков.

Дрейсигер. По правде сказать, господин пастор, если относиться к делу хладнокровнее, то можно, пожалуй, усмотреть во всем этом и свою хорошую сторону. Все эти происшествия, быть может, не останутся незамеченными в правительственных кругах. В конце концов в этих кругах придут-таки к убеждению, что дело так дальше идти не может, что нужно принять решительные меры для спасения нашей отечественной промышленности от окончательной гибели.

Киттельгаус. Да, но чем же объясняется этот страшный упадок? Растолкуйте мне, пожалуйста!

Дрейсигер. Иностранцы отгородились от нас всевозможными пошлинами. Большинство заграничных рынков для нас совершенно закрыты, а внутри страны мы, промышленники, должны конкурировать друг с другом не на жизнь, а на смерть, потому что мы беззащитны, совершенно беззащитны!

Пфейфер (*входит. Он сильно запыхался и едва держится на ногах от волнения*). Господин Дрейсигер, господин Дрейсигер!

Дрейсигер (*уже в дверях залы, оборачивается с досадой*). Ну, что там еще такое случилось, Пфейфер?

Пфейфер. Нет-нет, дайте мне придти в себя.

Дрейсигер. В чем же дело?

Киттельгаус. Ведь вы нас серьезно пугаете. Говорите же, в чем дело?

Пфейфер (*все еще вне себя*). Нет, дайте мне опомниться! Нет, это черт знает, что такое! Черт знает... И даже начальство... ну, им не поздоровится!

Дрейсигер. Черт вас побери, наконец! Да что с вами такое? Кто-нибудь сломал себе шею, что ли?

Пфейфер (*чуть не плачет от страха, кричит испуганно*). Они освободили Морица Иегера, прогнали исправника и жандарма. Боже мой, боже мой!

Дрейсигер. Пфейфер, да вы, кажется, рехнулись!

Киттельгаус. Ведь это революция!

Пфейфер (*сидя на стуле, дрожа всем телом, говорит жалобным голосом*). Господин Дрейсигер. Дело принимает очень серьезный оборот!.. Серьезный оборот! Господин Дрейсигер!

Дрейсигер. Ну так какой же прок от полиции?

Пфейфер. Господин Дрейсигер, дело очень серьезно.

Дрейсигер. Да замолчите же вы, Пфейфер, черт вас возьми!

Фрау Дрейсигер (*выходит из залы вместе с пасторшей*). Ведь это наконец возмутительно, Вильгельм. Весь вечер нам испортили! Вот видишь, теперь фрау Киттельгаус говорит, что ей очень бы хотелось уйти домой!

Киттельгаус. Дорогая, почтеннейшая фрау Дрейсигер, сегодня, может быть, действительно было бы самое лучшее...

Фрау Дрейсигер. Послушай, Вильгельм, ведь должен же ты наконец вмешаться!

Дрейсигер. А не хочешь ли сама поговорить с ними? Ну-ка, попробуй, поговори! (*Останавливается перед пастором и говорит в волнении.*) Что я – тиран? Что я – живодер, что ли?

Кучер Иоган (*входит*). Барыня, пока что, а я лошадей заложил! Господин кандидат уже посадил в коляску ваших деток, Жоржиньку и Карлушу. Коли что случится неладное, мы сейчас же и тронемся.

Фрау Дрейсигер. А что же может случиться?

Иоган. Да я уж, право, не знаю... надо полагать, что-нибудь случится... ведь их все прибывает. Они ведь уж прогна-ли и исправника, и жандарма.

Пфейфер. Дело принимает серьезный оборот! Уверяю вас, господин Дрейсигер!

Фрау Дрейсигер (*все больше и больше испуганно.*) Да что же это такое будет? И чего только нужно этим людям? Ведь не могут же они на нас наброситься, Иоган?

Иоган. Среди них есть настоящие псы, барыня!

Пфейфер. Плохо дело, даже очень плохо!

Дрейсигер. Молчать, осел! Все ли двери на замках?

Киттельгаус. Позвольте мне, позвольте мне... Я принял

одно решение... Позвольте же мне. (*Обращается к Иогану.*)
Что же, собственно, требуют эти люди?

Иоган (*в смущении*). Да вот чтобы им увеличили плату за работу. Этакое ведь дурачье, право!

Киттельгаус. Хорошо, прекрасно. Я выйду к ним и исполню свой долг. Я серьезно поговорю с этими людьми.

Иоган. Господин пастор, господин пастор, не надо бы этого делать! Только слова напрасно тратить будете.

Киттельгаус. Дорогой господин Дрейсигер, еще одно словечко. Я бы вас просил, поставьте людей около дверей и пусть они запрут даери на замок, как только я выйду.

Фрау Киттельгаус. Ах, неужели ты правда хочешь, Иосиф?

Киттельгаус. Да, я хочу. Я решился. Я знаю, что я делаю. Не беспокойся: господь защитит меня.

Фрау Киттельгаус жмет ему руку, потом отходит и утирает глаза.

Киттельгаус. (*В то время, как он говорит, снизу доносится непрерывный гул большой толпы.*) Я. сделаю вид... я сделаю вид, как будто я спокойно иду домой. Я посмотрю, насколько им мое звание... насколько эти люди меня еще уважают... Я хочу посмотреть... (*Он берет шляпу и палку.*) Ну, вперед, с богом. (*Уходит, за ним Дрейсигер, Пфейфер и Иоган.*)

Фрау Киттельгаус. Милая фрау Дрейсигер (*она обнимает ее и плачет у нее на плече*), только бы с ним не случилось

несчастья...

Фрау Дрейсигер (*поглощенная своей думой*). Я и сама не знаю, фрау Киттельгаус, но мне кажется... Я сама не знаю, но со мной делается что-то странное. Все это мне кажется просто невероятным. Но если это действительно так... то ведь выходит, что богатство это вроде как преступление. Знаете ли, если бы кто-нибудь мне это сказал раньше... я не знаю, фрау Киттельгаус, но, пожалуй, я уж лучше бы осталась тем, чем была, – бедной по-прежнему...

Фрау Киттельгаус. Милая фрау Дрейсигер, во всех общественных положениях бывает достаточно всяких неприятностей и разочарований.

Фрау Дрейсигер. Ну, конечно, конечно. Я тоже так думаю. А если у нас больше, чем у других людей... Господи, да ведь мы это тоже не украли. Ведь все это собиралось по грошику и собиралось честным путем. Ведь невозможно же, чтобы эти люди на вас набросились? Разве мой муж виноват в том, что дела идут плохо?

Снизу доносится рев возбужденной толпы. Обе женщины, бледные и испуганные, смотрят друг на друга. Вбегает Дрейсигер.

Дрейсигер. Роза, накинь на себя что-нибудь и беги скорее в коляску, я сейчас же бегу за тобой! (Он подбегает к денежному шкафу, поспешно открывает его и вынимает из

него разные ценные вещи.)

Иоган (*входит*). Все готово! Только надо торопиться, пока задние ворота еще свободны!

Фрау Дрейсигер (*в паническом ужасе бросается кучеру на шею*). Иоган, милый Иоган! Спаси нас, милый, хороший, славный Иоган! Спаси моих детей! Ах, ах!..

Дрейсигер. Образумься же ты! Оставь Иогана!

Иоган. Барыня, барыня. Успокойтесь же! Наши вороны нас вывезут. Их, небось, никто не догонит. А кто не посторонится, того мы с ног сшибем.

Фрау Киттельгаус (*мечется в беспомощной тревоге*). Но что же теперь с моим мужем?.. С моим мужем-то что?.. Ах, господин Дрейсигер, что с ним теперь?..

Дрейсигер. Фрау Киттельгаус, ведь муж ваш жив и невредим. Успокойтесь, ради бога!

Фрау Киттельгаус. Наверное, с ним случилось несчастье, а вы мне не говорите, вы от меня скрываете...

Дрейсигер. Да полноте, полноте! Тем плохо будет! Я отлично знаю, чьих рук это дело. Столь неслыханная, бесстыдная наглость не может остаться безнаказанной. Паства, оскорбляющая своего пастора, – что за черт! Эхо бешеные собаки, только и всего! Это взбесившиеся бестии, с ними обращаться нужно, как с бестиями. (*Обращаясь к своей жене, которая в это время стоит словно в оцепенении.*) Да ну иди же! Пошевеливайся!

Слышны удары в дверь дома.

Слышишь, эта орда взбесилась окончательно.

Доносятся звон стекол, разбиваемых в нижнем этаже.

Словно табун лошадей! Нам надо бежать и больше ничего не остается делать!

Слышны голоса, кричащие: «Подать сюда приемщика Пфейфера!»

Фрау Дрейсигер. Пфейфер, Пфейфер! Они требуют Пфейфера!

В комнату врывается Пфейфер.

Пфейфер. Господин Дрейсигер, у задних ворот тоже стоит народ! Входная дверь не выдержит и трех минут... Кузнец Виттих дубасит в нее железным ведром, словно испуганный.

Внизу еще громче доносятся крики толпы: «Приемщика Пфейфера сюда! Подать сюда Фейфера!» Фрау Дрейсигер стремительно убегает, за ней бежит фрау Киттельгаус.

Пфейфер (*прислушивается, меняясь в лице. На него нападает безумный ужас. Следующие слова он выкликивает со стоном, с плачем, жалобным, умоляющим голосом и чрезвычайно быстро. Он бросается к Дрейсигеру, начинает его обнимать, целует ему руки, хватается за него руками, словно утопающий, и таким образом мешает ему двигаться*). Милый, милейший, прекраснейший... милостивейший господин! Ах, не оставляйте меня здесь! Я всегда служил вам верою и правдою... Я обращался с рабочими хорошо... не мог же я им давать плату выше того, что вы назначили. Не покидайте! Не покидайте! Они меня укокошат! Если они меня здесь найдут, то, наверное, мне не быть живым... Ах, господи боже ты мой! Ведь у меня жена, дети...

Дрейсигер (*хочет уйти, но тщетно старается освободиться от Пфейфера*). Да оставьте же меня, наконец, почтеннейший! Авось, все как-нибудь устроится! (*Уходит вместе с Пфейфером.*)

Несколько секунд комната остается пустой. Слышен странный шум и треск, а затем – громкое «ура». После этого наступает тишина. Проходит еще несколько секунд. Затем слышно, что кто-то тихо и осторожно поднимается во второй этаж. Доносятся чьи-то робкие отрывочные возгласы: «Налево! Наверх! Т-с-с-с-с. Тише, тише! Чего толкаешься? Эвона! Вот так штука! Теперь пир на весь мир! Да идите же!» Несколько молодых ткачей и ткачих появ-

ляются в дверях, ведущих в прихожую, и, не решаясь войти; подталкивают друг друга. Но робость их быстро исчезает. Жалкие, обтрепанные, болезненные фигуры постепенно наполняют комнату Дрейсигера и залу. Вошедшие сначала с любопытством рассматривают обстановку, а затем ошупывают ее руками. Девушки садятся на диваны и любуются на себя в зеркале. Некоторые становятся на стулья, чтобы лучше рассмотреть картины или снять их со стены. В это время через дверь входят все новые и новые фигуры, такие же жалкие.

Первый старый ткач. Ну, теперь уж довольно! Внизу такая штука началась, что того и гляди, все наше дело погибнет. Этакое сумасшествие! Ни смысла, ни толку! И выйдет в конце концов из всего этого очень скверная штука. Кто еще не совсем голову потерял? Пусть-ка тот лучше уходит по добру по здорову... Уж я-то в такие безобразия никогда носа не суну.

Появляются Иегер, Бекер и Виттих (последний с железным ведром в руках), Баумерт и несколько молодых и старых ткачей. Они врываются целой толпой, словно гонясь за кем-то, кричат, перебивая друг друга.

Иегер. Куда он девался?

Бекер. Где этот господин?

Баумерт. Нам плохо – пусть же ему будет еще хуже!

Виттих. Попадись-ка он нам.

Второй молодой ткач (*входит*). Его и след-то уж простыл!

Все. Про кого это говорят?

Второй молодой ткач. Да про Дрейсигера же!

Бекер. А Фейфер тоже удрал?

Голоса. Ищите Фейфера! Ищите Фейфера!

Баумерт. Эй, Фейферишка, сюда! Ты здесь ткачей можешь измором взять!

Толпа смеется.

Иегер. Все равно, братцы! Коли мы самого Дрейсигера не найдем, все же его по миру пустим!

Баумерт. Пусть сделается таким бедняком, вроде как церковная мышь. Пусть и вправду идет по миру.

Толпа бросается в залу с явным намерением произвести погром. Бекер становится перед толпой и старается ее удержать.

Старый Анзорге (*входит. Сделав несколько шагов, он останавливается, оглядывается с недоверием вокруг, качает головой, ударяет себя по лбу, говорит*): Кто я такой? Я – ткач, Антон Анзорге! Ты, Анзорге, не с ума ли сошел? А

очень просто! Голова у меня кругом идет, словно колесо. Ты, Анзорге, что здесь делаешь? А то и делаю: где веселье, там и я. Куда же ты пошел, Анзорге? *(Снова ударяет себя рукой по лбу несколько раз.)* А я ведь и вправду рехнулся! Ни за что ручаться не могу! Как будто у меня в голове не совсем ладно. А ну вас ко всем чертям! Убирайтесь вы!.. *(Пауза.)* Валяй во всю! *(С громким криком бросается в залу. Толпа бежит за ним, с гиком и хохотом.)*

Действие пятое

Действующие лица

Бекер

Мориц Иегер.

Старый Баумерт.

Витгих.

Хорниг.

Старый Хильзе, ткач.

Его жена.

Готлиб, его сын.

Луиза, жена Готлиба.

Мильхен, их дочь.

Шмидт, фельдшер.

Молодые и старые ткачи и ткачихи.

Деревня Ланген-Билау. Комната старого ткача Хильзе, низкая и тесная. Налево – окно, перед окном ткацкий станок; направо – кровать, к ней придвинут стол. В правом углу печь с окружающей её скамейкой. Вокруг стола на кровати и на деревянной скамье сидят: старый Хильзе, его жена – слепая и почти глухая старуха, его сын Готлиб с женой Луизой. Хильзе читает утреннюю молитву. Между столом и станком стоит мотальное колесо с мотовилом. На почерневших балках разные ткацкое принадлежности. С ба-

лок свешиваются длинные мотки пряжи. По всей комнате разбросан разный хлам. В задней стене дверь в сени. Против этой двери в сенях другая открытая дверь, через которую видна такая же бедная комната, как и первая. Сени вымощены булыжником; штукатурка стен в сенях местами обвалилась. Полуразвалившаяся деревянная лестница ведет из сеней на чердак. Видна часть корыта, пристроенного на деревянной табуретке. Всюду разбросано старое рваное белье и разная нищенская домашняя утварь.

Старый Хильзе (бородатый, коренастый, но сгорбленный и одряхлевший от старости, работы, болезней и всяких тревог, однорукый инвалид. У него мертвенно-бледное лицо с заострившимся носом и характерные для ткача ввалившиеся воспаленные глаза; он весь – кожа, да кости, да жилы. Члены его постоянно трясутся. Поднимается вместе с сыном и невесткою и произносит следующую молитву). Всеблагий боже, как возблагодарить нам тебя за то, что ты, по великому милосердию твоему, сжалился над нами и сохранил нас и эту ночь? За то, что и в эту ночь с нами ничего не случилось? Неизреченно милосердие твое, господи, а мы несчастные, порочные, грешные люди; мы не достойны даже того, чтобы ты раздавил нас ногой своей, – вот какие мы грешные и испорченные. Но ты, отец наш небесный, все же не отворачиваешься от нас ради возлюбленного сына твоего, господина нашего и спасителя Иисуса Христа. «Кровь его

и правда его – украшение и одеяние мое». И если мы иногда становимся малодушными под ударами карающего бича твоего, и если очень уж пылает горнило очищения нашего – то снизойди к нам и отпусти нам прегрешения наши. И дай вам терпение, отец наш небесный, дабы мы, испив до дна чашу страданий наших, приобщились к блаженству твоему. Аминь.

Старуха Хильзе. Ну, отец, и хорошие же молитвы ты всегда сочиняешь!

Луиза идет к корыту, Готлиб уходит в заднюю комнату.

Старый Хильзе. А где же девчурка?

Луиза. Она пошла в Петерсвальде к Дрейсигеру. Вчера вечером она ведь намотала еще целых два мотка.

Старый Хильзе (*говорит очень громким голосом*). Ну, мать, теперь я принесу тебе мотальное колесо.

Старый Хильзе. Принеси, принеси, старик.

Старый Хильзе (*ставит перед ней колесо*). Эх-ма! С радостью бы за тебя поработал я сам!

Старуха Хильзе. Нет, чего еще! А мне-то куда бы тогда время девать?

Старый Хильзе. Дай-ка я тебе пальцы оботру, а то, чего доброго, пряжу замаслишь. Слышишь? (*Он вытирает ей тряпкой руки.*)

Луиза (*стоя у корыта*). Разве мы жирное ели, что ли?

Старый Хильзе. Коли у нас нет сала – ешь сухой хлеб, коли нет хлеба – ешь картошку, а коли и картошки нет – ешь

отруби.

Луиза (*с сердцем*). А если у нас муки нет, то мы сделаем так, как Венглеры внизу сделали, – пойдём искать, где дохлая лошадь живодером зарыта. Выкопаем ее и проживем падалю неделю-другую... Так хорошо будет, как думаешь?

Готлиб (*из задней комнаты*). Что ты там болтаешь?

Старый Хильзе. Уж ты лучше меня не трогай о своими безбожными речами. (*Подходит к ткацкому станку и кричит*). Не поможешь ли мне, Готлиб, – несколько ниток надо продеть!

Луиза (*стоя у корыта*). Готлиб, иди помоги отцу!

Входит Готлиб. Вместе со стариком он принимается за трудную работу натягивания основы. Нитки пряжи продеваются через отверстия бедра по станку. Но только что они начинают, как в сенях показывается Хорниг.

Хорниг (*в сенях*). Бог в помощь!

Старый Хильзе и **Готлиб**. Спасибо, Хорниг!

Старый Хильзе. И когда тебе только спать приходится? Днем ты торгуешь, а ночью на часах стоишь...

Хорниг. Уж у меня и сон пропал.

Луиза. Здорово, Хорниг!

Старый Хильзе. Ну, что скажешь хорошего?

Хорниг. Добрые вести, мастер! Петерсвальденцы на такие штуки пустились – ай люди! Фабриканта Дрейсигера со

всем его семейством на улицу вытурили!

Луиза *(не без волнения)*. Ну, пошел опять городить Хорниг!

Хорниг. На этот раз вы ошибаетесь, барынька. Ошибаетесь на этот раз... А у меня в тележке хорошие детские переднички... Нет, нет, я говорю истинную правду! Ей-богу, не вру, они его выгнали по всем правилам... вчера вечером он приехал в Рейхенбах. И, боже мой, и там не захотели оставить его у себя: ткачей боялись... Так он в ту же минуту и должен был уехать в Швейдниц.

Старый Хильзе *(осторожно тянет нитки основы с мотка и подносит их к отверстию бедра. Готлиб подхватывает каждую нитку с другой стороны отверстия крючком и вытягивает)*. Ну, будет тебе болтать, Хорниг.

Хорниг. Провались я на этом месте! Всякий ребенок уж это знает.

Старый Хильзе. Да кто из нас с ума сошел – ты или я?

Хорниг. Да уж так это и есть. Правду говорю, как бог свят. Я уж не стал бы болтать, коли бы сам не был в это время... Все видел своими глазами. Своими глазами видел, вот как теперь тебя, Готлиб. Фабрикантов дом они разгромили от подвала до конька крыши. С чердака прямо на улицу фарфоровую посуду бросали – черепки по крыше так и катились... А нанки-то, нанки – несколько сот кусков так и остались в ручье! Весь ручей ими запрудили. Вода течет выше такой запруды. Темно-синей совсем стала от индиговой краски. А

краску-то эту так прямо из окон и сыпали. Тучи голубой пыли так и ходили везде!.. У-у, чего только они не наделали!.. И не только в хозяйском доме – то же и в красильне, и в кладовых. Перила на лестнице разломали, полы повыворотили, зеркала перебили, диваны, кресла – все изорвали, изодрали, изрезали и вышвырнули, истоптали и изрубили... Все прахом пошло! Ей-богу, хуже, чем на войне!

Старый Хильзе. И все это наши ткачи наделали? (*Медленно и недоверчиво качает головой.*)

У двери показываются любопытствующие жильцы.

Хорниг. А кто же, кроме них? Я ведь их всех по именам знаю. Я сам водил следователя по дому. Со многими сам говорил. И все были такие же обходительные, как всегда. Они свое дело подстроили исподтишка и сделали-то его основательно... Следователь со многими говорил. И все были смиренные, покорные, как всегда; а удержать их – ничем не удержишь. Самую лучшую мебель и ту разрубили, словно они за деньги работали.

Старый Хильзе. Ты водил следователя по дому?

Хорниг. А мне-то чего бояться? Ведь меня все знают. И я ни с кем не ссорился – со всеми хорош. Пусть я не буду Хорниг, коли с ним по дому не ходил. Уж я говорю истинную правду. Меня даже какая-то жалость взяла; я видел, что и следователю не по себе. А почему? Хоть бы кто пикнул об

этом, все молчали. А по правде сказать, у меня на душе и хорошо даже стало: ведь что ни говори, а наши молодцы хорошо-таки отплатили за все прошлое.

Луиза (*дрожа от внезапно прорвавшегося волнения, вытирает себе глаза передником*). Да, все это так и должно было быть, должно было случиться!

Старый Хильзе (*все еще не веря*). И как же все это у них вышло?

Хорниг. А кто же их там знает? Один так говорит, другой этак.

Старый Хильзе. Ну, что же они говорят?

Хорниг. Да господь их знает. Говорят, будто Дрейсигер сказал: «Пусть ткачи жрут траву, если они голодны». А больше я ничего не знаю.

Движение среди жильцов дома: они пересказывают друг другу только что услышанное с жестами негодования.

Старый Хильзе. Ну, послушай, Хорниг! Положим, ты бы мне сказал: «Дядя Хильзе, завтра ты должен помереть». Я бы тебе на это ответил: «Отчего бы и нет? Ничего в этом нет удивительного». Или, примерно, ты бы мне сказал: «Дядя Хильзе, завтра к тебе приедет в гости сам прусский король», – я и этому бы поверил. Но чтобы ткачи – такие же ткачи, как и мой сын и я, – и вдруг затеяли такое дело! Никогда-никогда в жизни ни за что я этому не поверю.

Мильхен (*хорошенькая семилетняя девочка с длинными белокурыми распущенными волосами вбегает с корзиночкой в руках. Показывая матери серебряную ложку*). Мама, мама, смотря, что у меня есть! Ты мне купи на это платьице!

Луиза. Откуда ты прибежала, девочка? (*С возрастающим напряженным волнением.*) Что же это ты опять притащила, скажи пожалуйста? Ведь ты совсем запыхалась. И пряжа у тебя так и осталась в корзинке. Что же это все значит, детка?

Старый Хильзе. Ты откуда взяла ложку?

Луиза. Нашла, надо полагать.

Хорниг. А ложка-то, наверное, стоит два-три талера.

Старый Хильзе (*вне себя*). Вон, девчонка, вон! Сейчас же убирайся. Слушаться у меня, не то я тебе всыплю! А ложку снеси туда, откуда ты ее взяла. Пошла вон! Или ты хочешь всех нас ославить ворами? Погодя, я тебя отучу таскать! (*Ищет, чем бы ее ударить.*)

Мильхен (*цепляется за юбку матери, плачет*). Дедушка, не бей меня – ведь мы ее нашли... У всех ребят... есть... такие же ложечки!

Луиза (*в страхе и волнении*). Ну, вот видишь ли? Она эту ложку нашла. Где же ты ее нашла?

Мильхен. В Петерсвальде... перед домом Дрейсигера...

Старый Хильзе. Ну, вот вам и удовольствие. Ну, теперь живее, не то я тебя...

Старуха Хильзе. Что здесь такое творятся?

Хорниг. Слушай, что я тебе скажу, дядя Хильзе: вели

Готлибу надеть сюртук, взять ложку и поскорее отнести ее в волицию.

Старый Хильзе. Готлиб, надевай сюртук!

Готлиб (*одеваясь, говорит поспешно*). Я пойду в канцелярию и скажу: так и так, мол, тут не что-нибудь такое, ребенок ничего не смыслит. Вот вам эта ложка. Да перестань же ты реветь, Мильхен!

Луиза уносит плачущую девочку в заднюю комнату, запирает дверь, а сама возвращается назад.

Хорниг. А ведь ложка-то стоит по крайней мере три талера.

Готлиб. Дай-ка платочек, Луиза. Я хочу завернуть ее, чтобы она не попортилась. Ай да штучка, дорогая штучка! (*Он завертывает ложку со слезами на глазах.*)

Луиза. Если бы у нас была такая же ложка, мы бы могли прокормиться на нее несколько недель.

Старый Хильзе. Ну, живей-живей, пошевеливайся! Беги скорей, со всех ног. Вот еще что придумали! Этого еще не доставало! Скорее с глаз долой эту проклятую ложку!

Готлиб уходит с ложкой.

Хорниг. Пора и мне в путь собираться. (*Он направляется к выходу, разговаривает еще несколько минут со стоящими*

в сенях, затем совсем уходит.)

Фельдшер Шмидт (*кругленький, живой человек с хитрым, красным от вина лицом входит в сени*). Здорово, братцы! Вот так дела, нечего сказать! Я вам задам. (*Грозит пальцем.*) Да вы себе на уме! (*Стоит в дверях.*) Здорово, дядя Хильзе! (*Обращаясь к одной женщине в сенях.*) Ну, бабушка, как твои дела? Что твоя боль? Ведь лучше, а? Ну, вот видишь ли! Дядя Хильзе, я зашел посмотреть, как вы все поживаете! Ах ты черт, что же это с твоей старухой приключилось?

Луиза. У нее световые жилы совсем высохли, господин доктор, она ничего больше не видит.

Шмидт. Это от пыли да от работы при свете. Ну, скажите вы мне теперь, что вы обо всем этом думаете? Все Петерсвальде на ноги поднялось. Сегодня утром сажусь я в свой шарабан, приезжаю и узнаю, что здесь вон какие чудеса творятся. Растолкуй ты мне, пожалуйста, дядя Хильзе, что это, черт возьми, случилось с этими людьми? Свирепствуют, словно стая волков. Ведь они затеяли настоящее восстание, революцию: грабят, разносят, громят! Мильхен! Где же Мильхен?

Луиза вводит Мильхен, еще заплаканную.

А ну-ка, Мильхен, пошарь-ка в моих карманах!

Мильхен засовывает руки в его карманы.

Ведь эти пряники я принес тебе! Стой, стой, нельзя же все сразу, проказница ты этакая! Сначала спой-ка мне песенку «Лисичка ты, лисичка...» Ну, что ж ты?.. «Лисичка ты, лисичка...» А знаешь ли ты, что ты наделала? Помнишь, как ты обругала воробьев, тех самых, что живут на заборе пасторского дома? Ведь они пожаловались на тебя господину пастору. Подумайте-ка! Их поднялось почти полторы тысячи человек!

Издали доносится звон колоколов.

Слушайте, слушайте, в Рейхенбахе бьют в набат! Полторы тысячи человек! Настоящее светопредставление! Даже как-то жутко становится.

Старый Хильзе. Неужели они идут сюда, в Билау?

Шмидт. Ну, да-да, ведь я проезжал через самую толпу. Я бы с радостью слез да и дал каждому по порошочку. Плетутся друг за другом, словно воплощенная нужда, и поют такую песню, такую песню, что от нее все нутро воротит. Даже старикашка мой Фридрих, и тот трясся на козлах, словно старая баба. Делать нечего, после такой встречи поневоле пришлось выпить по рюмочке горькой. Не хотел бы я быть на месте фабриканта, даже если бы мне сейчас же предложили

кататься на резиновых шинах.

Издали доносится пение.

Слушайте, слушайте! Поют, словно костяшками бьют в старый треснувший котел! Ну, братцы, и пяти минут не пройдет, как они будут здесь. А впрочем, прощайте, почтенные! Не наделайте глупостей! Ведь войско идет за ними по пятам. Не теряйте же рассудка. Петерсвальденцы уже рехнулись.

Колокола звонят вблизи.

Боже мой, и наши колокола уже зазвонили! Видно, народ с ума спятил. (*Уходит на чердак.*)

Готлиб (*возвращается, сильно запыхавшись, говорит еще в сенях*). Я их видел, видел! (*Обращаясь к одной женщине в сенях.*) Они здесь, тетка, уже здесь! (*В дверях.*) Они уже пришли, отец. У них дубины, колья, багры! Они уже у дома Дитриха и скандалят. Кажется, им там деньги выплачивают. Ох, господи, что то еще будет! Я уж не знаю. Столько народу, такая тьма народу! Если все они соберутся с духом да разойдутся во всю – плохо тогда придется фабрикантам!

Старый Хильзе. Что это ты так запыхался? Уж ты добегаешься опять до своей прежней болезни, будешь опять ле-

жать на спине и биться руками и ногами.

Готлиб (*в заметно радостном возбуждении*). Ведь я должен же был бежать, иначе они бы меня схватили Да задержали. Они уж и так мне кричали, чтобы и я пристал к ним. Крестный Баумерт тоже с ними. Он тоже уговаривал меня. «Поди получи тоже пять зильбергрошей, ведь и ты натерпелся от голода, и отцу скажи...» Чтобы я сказал вам, отец, чтобы и вы пришли и помогли им (*Страстно.*) Теперь, мол, наступят другие времена. Теперь вся жизнь ткачей на новый лад. Мы все, мол, должны идти сообща добиваться этих новых порядков. Теперь, мол, у нас будет по воскресеньям у каждого по фунту мяса и по праздникам кровяная колбаса с капустой. И ты у нас, говорит он мне, совсем с виду переменишься!

Старый Хильзе (*со сдержанным негодованием*). И это говорит тебе твой крестный отец? И он подбивает тебя на такие преступные дела? Смотри, Готлиб, не вздумай его слушаться! Это дело не без помощи дьявола. Они заодно с сатаной работают.

Луиза (*не владея собой, в порыве страстного волнения*). Да-да, Готлиб, полезай на печь, возьми в руки ложку, поставь себе на колени миску с сывороткой, надень на себя юбку и бормочи какую-нибудь молитву! Вот-то ты тогда угодишь отцу! И это – мужчина!

Люди в сенях смеются.

Старый Хильзе (*дрожит от подавленного гнева*). А ты кто? Добрая жена, что ли? По всем правилам? Так вот послушай-ка, что я тебе скажу: ты хочешь матерью называться, а язык-то у тебя злущий-презлущий! Ты хочешь учить свою дочь, а сама подбиваешь мужа на преступные и безбожные дела.

Луиза (*не владея собой*). Да полноте вы о вашем ханжестве! От таких речей ни один ребенок не насытился. Все ваши четверо, небось, в грязи да в лохмотьях валялись. От ваших-то речей пеленки не высохнут. Так я вам вот что скажу. Да, я хочу быть матерью! А потому-то я и желаю от всей души, чтобы все эти фабриканты сквозь землю провалились. Чума их всех возьми! Да, я мать и хочу быть настоящей матерью! А как спасти от гибели такого ребеночка? Страдаешь-страдаешь от его самого рождения до тех самых пор, когда, наконец, сжалится господь и возьмет его к себе. А вам, небось, и горя мало! Знай, себе молитесь да поете, а я, бывало, бегаю, да бегаю, да обиваю себе в кровь ноги, добывая хоть каплю сыворотки для ребенка. А по ночам-то что бывало! А сколько бессонных ночей я ломала себе голову, все придумывая, как бы мне ребеночка от смерти уберечь! Дитя-то чем виновато, ему-то за что погибать мучительной смертью? А там напротив, у Дитриха, детей в вине купают да молоком моют. О, если и здесь начнется – меня и десятью лошадьми не удержишь. И вам так и скажу: коли они начнут

дом Дитриха громить – я первая пойду туда, и плохо тому будет, кто вздумает меня удерживать. Нет больше сил моих!

Старый Хильзе. Ты уж пропащая, тебя уж нечто не спасет!

Луиза (*не помня себя*). Вас, вас никто не спасет, а не меня! Тряпки вы настоящие! Гнилые тряпки, а не мужчины! И плевать-то на вас противно! Трусы окаянные! Да вы даже от детских погремушек убежите. Коли вас даже драть станут, и то вы трижды спасибо скажете, дубины вы этакие. Из ваших жил всю кровь высосали – вы даже со стыда покраснеть не можете. Кнудом, бы вас хорошенечко, так, чтобы ваши гнилые кости затрещали. (*Убегает.*)

Все смущенно молчат.

Старуха Хильзе. Что же это с Луизой-то случилось, отец?

Старый Хильзе. Ничего, мамочка. Что же с ней могло случиться?

Старуха Хильзе. Что это, отец, как-будто где-то звонят колокола? Или это мне так кажется?

Старый Хильзе. Кого-то хоронят, мать.

Старуха Хильзе. А мне все еще конец не приходит. И почему ото мне господь смерти не дает, старик?

Молчание.

Старый Хильзе (*оставляет работу и встает с торжественным видом*). Готлиб, твоя жена наговорила нам множество страшных слов. Смотри сюда, Готлиб! (*Он обнажает грудь.*) Вот здесь, на этом самом месте, сидела нуля величиною с наперсток. А где я потерял руку, это знает король. Не мыши ее у меня отгрызли. (*Он ходит взад и вперед.*) А твоя жена... ее еще и в помине не было, когда я проливал свою кровь за отечество... каплю за каплей... Она может кричать, сколько ей угодно. Меня это не задевает, мне на ее слова наплевать. Бояться? Чтобы я когда-нибудь боялся? И чего мне бояться, скажи мне, пожалуйста? Уж не кучки ли солдат, которая вслед идет за бунтовщиками? Господа помилуй, этого еще не доставало! Не беда еще, что спина у меня немножко разбита, – уж если на то пошло, то кости у меня еще хоть куда!

Голос (*через окно*). Эй, ткачи, выходите!

Старый Хильзе. По мне, что хотите, то и делайте (*садится за станок*), а я с места не сдвинусь.

Готлиб (*после короткой внутренней борьбы*). Я пойду и сяду работать. А там будь что будет. (*Уходит.*)

Слышна «Песня ткачей». Ее поют сотни голосов, и совсем близко песня звучит, как глухая, монотонная жалоба.

Голоса жильцов (*в сенях*). Ай-ай-ай, и взаправду идут,

целой толпой, словно муравьи. И откуда взялось столько ткачей? Да ты не толкайся, дай же я мне взглянуть! Смотри-ка, впереди какой верзила идет! Эй, да они так и кишат!

Хорниг (*подходит к людям в сенях*). Ну, что? Хорошее представление? Ведь этакую штуку не каждый день увидишь! Отчего бы и вам не пойти к верхнему Дитриху? Они ведь и там наделали хороших дел. У того все разгромили: и дом, и фабрику, и винный погреб – не осталось ничего! Все бутылки распили, какие только нашлись, да так и выцедили, не откупоривая, – возиться-то с ними некогда. Раз, два, три – отшибли горлышко, и готово дело! Рты порезали осколками – да им на это наплевать! Иные так и ходят в крови, словно свиньи резанные. А вот настанет черед и здешнего Дитриха.

Пение замолкает.

Голоса жильцов. Да они на вид совсем уж не такие злые.

Хорниг. Ладно-ладно, еще подожди, что будет! Глянь-ка, они ведь высматривают, с какой стороны лучше начать. Вон со всех сторон оглядывают Дитрихов дворец. Видишь, видишь, вон маленький толстяк с ведром. Это кузнец из Петерсвальде, ловкий малый! Он самые толстые двери высаживает как ни в чем не бывало, – просто поверить трудно.

Голоса жильцов. Гляди-гляди, бросили камень в окошко! Ну и натерпится же страху старый Дитрих! Э, да он вы-

вешивает какую-то бумагу! Бумагу вывешивает? Что же там такое написано? Ты умеешь читать? Ну, вот, на что бы я годился, кабы читать не умел? Ну, читай же! Вы-вы-все-будете-удовлетворены. Вы все будете удовлетворены.

Хорниг. Ну, этакую бумагу он мог бы и не вывешивать. Все равно она много не поможет. У них свое на уме. Они метят на самую фабрику, сжить со свету все механические станки. Ведь машины-то и разоряют ручных ткачей, это даже слепой видит. Ну, нет, очень уж они теперь разошлись! Никакой исправник или следователь их теперь не вразумит, а не то что какая-то бумажка! Кто видел, как они расправляются, тот уж знает, что это за расправа!

Голоса ткачей. Смотрите-смотрите! Толпа-то какая! И чего только они хотят? (*Торопливо.*) Да никак они идут через мост? (*Со страхом.*) Да неужто на нашу сторону? (*С сильным удивлением и страхом.*) Сюда идут, к нам идут! Смотри, они выгоняют ткачей из домов!..

Все разбегаются. Сени пустеют. В сени вторгается толпа восставших с криками: «Эй, ткачи, выходите!» – и из сеней разбегаются по отдельным комнатам. Видно, что эти люди очень утомлены ходьбой и бессонными ночами: все они грязные, запыленные, растрепанные, оборванные. Лица их красны от выпитого вина. В комнату старого Хильзе входит Бекер, за ним несколько молодых ткачей, вооруженных дубинами и кольями. Увидев старого Хильзе, они останав-

ливаются как бы в некотором замешательстве.

Бекер. Дядя Хильзе, будет вам над работой-то корпеть! Пусть кто хочет за станком спину гнет! Довольно вам себя изводить! Теперь о вас другие позаботятся!

Первый молодой ткач. Теперь уж не придется ложиться спать с пустым брюхом.

Второй молодой ткач. У ткачей теперь будет и крыша над головой, и рубаха на теле.

Старый Хильзе. Откуда вас черт принес с топорами да с дубинами?

Бекер. А вот мы их обломаем об Дитрихову спину!

Второй молодой ткач. Разожжем наши дубины да засушим их фабрикантам в глотку. – пусть знают, как жжется голод!

Третий молодой ткач. Идем с нами, дядя! Мы им пощады не дадим!

Второй молодой ткач. Над нами-то, небось, никто не сжалился. Теперь мы за себя постоим!

Старый Баумерт (*входит, он не совсем твердо стоит на ногах. В руках у него зарезанная курица. Он раскрывает свои объятья*). Братец! Ведь все мы братья! Сюда, в мои объятья, братец!

Смех.

Старый Хильзе. Ну, и хорош же ты, Вильгельм!

Старый Баумерт. Густав, да ты ли это? (*Растроганно.*)

На грудь мою, несчастный, голодный страдалец!

Старый Хильзе (*ворчит*). Оставь меня в покое.

Старый Баумерт. Нет, это верно, Густав. Человек должен быть счастлив. Взгляни-ка вот на меня, Густав. Каков я? Человеку нужно счастье. Ну, чем я не граф? (*Хлопает себя по животу.*) Отгадай-ка, что у меня в брюхе! Самая что ни на есть барская еда! Человеку нужно счастье – а там он раздобудет себе и шампанского, и жареного зайца. Вот что я тебе скажу: мы дали маху! Самим брать нужно, вот что.

Все (*перебивая друг друга*). Самим брать нужно, урра-а!!

Старый Баумерт. Стоит тебе один хороший кусок проглотить – и вдруг ты уж словно другим человеком стал. Фу ты, господи! Сила-то в тебе так и вырастет, словно в породистом быке. Так по всем жилам живчиком и разольется – даже сам не знаешь, куда попадешь и что разобьешь. Вот веселье-то, черт возьми!

Иегер (*показывается в дверях, вооруженный старой кавалерийской саблей*). Мы сделали две прекрасных атаки!

Бекер. Уж мы отлично наострились! Раз, два, три – и мы уже в доме. А там и пошло, словно на пожаре! Все так и трещит, так и дрожит. Только искры летят!

Первый молодой ткач. А недурно бы где-нибудь и огонек развести!

Второй молодой ткач. Идем в Рейхенбах да и подпалим

там богатые дома.

Иегер. Это недурно. Пусть нагребают себе золотых углей.

Бекер. Оттуда мы пойдем во Фрейбург, к Тромтра.

Иегер. Нам бы до начальства добраться следовало. Я читал, что все зло от них идет.

Второй молодой ткач. Скоро мы и в Бреславль пойдем. Ведь нас становится все больше и больше!

Старый Баумерт (*обращается к Хильзе*). А ну-ка, выпей, Густав!

Старый Хильзе. Водки я никогда не пью.

Старый Баумерт. То было в старые времена, а теперь у нас все по-новому, Густав.

Первый молодой ткач. Масленица-то не каждый день бывает!

Старый Хильзе (*нетерпеливо*). Чего вам от меня надо, безбожники вы этакие?

Старый Баумерт (*немного смущенный и с чрезмерной любезностью*). Да ты смотри только: ведь я тебе курочку принёс. А ты вот свари на нее супцу для твоей старушки.

Старый Хильзе (*с удивлением смягчаясь*). Ну-ну, поди скажи старушке-то.

Старая Хильзе (*которая с напряжением прослушивалась к их разговору, приложив руку к уху*). Не хочу я куриного супу. Оставьте меня в покое.

Старый Хильзе. Верно говоришь, мать. Я тоже не хочу. А из такой курицы и подавно не хочу. А тебе, Баумерт, я

вот что скажу: когда старики начинают болтать вздор, словно малые ребята, – черт от радости на голове ходит. И пусть вам всем будет известно: вы одна статья, а я другая. Вы здесь без моего согласия. И по правде и справедливости вам здесь таскать нечего.

Голос (*из толпы*). Кто не с нами, тот против нас!

Иегер (*грубо и с угрозой*). Ты, старик, что-то не то говоришь! Ведь мы не воры!

Голос (*из толпы*). Мы голодны, только и всего.

Первый ткач. Мы хотим жить и больше ничего, вот мы и перерезали верёвку, на которой висели.

Иегер. И мы имели на это полное право. (*Держит кулак перед лицом старого Хильзе.*) Только пикни, так я вот этот самый кулак так и всажу в твой циферблат!

Бекер. Тяше, тише, оставьте старика! Дядя Хильзе, мы уж так решили: лучше уж мы умрем, а по-прежнему жить не станем!

Старый Хильзе. А я-то ведь больше шестидесяти лет так жил!

Бекер. Что там ни говори, а должна придти перемена жизни.

Старый Хильзе. Никогда этому не бывать!

Бекер. Не отдадут нам по доброй воле – мы возьмем сами.

Старый Хильзе. Силой! (*Смеется.*) Ну, так уж лучше готовьте-ка могилки на этом самом месте. Они вам покажут, на чьей стороне сила. Погодите, погодите, дождетесь кое-че-

го.

Иегер. Вот еще сказал, солдаты! Сами мы были солдатами. С несколькими ротами мы отлично справимся.

Старый Хильзе. Языком вы сражаться с ними будете, что ли? Разве что так! Одну-другую роту прогоните – десять новых придут на их место.

Голоса (*через окно*). Солдаты, солдаты идут!

Все внезапно смолкают. Издали слабо доносятся звуки военных свистулек и барабанный бой. Вдруг среди молчания кто-то выкрикивает: «Будь они прокляты! А я пока что задам стрекача!» Всеобщий хохот.

Бекер. Кто это собирается удирать? Кто это сказал?

Иегер. Кто это струсил перед горсточкой каиновых солдатских фуражек? Беру над вами команду! Я сам недавно со службы. Я знаю это дело.

Старый Хильзе. Из чего же вы будете стрелять? Из дубин, что ли?

Первый молодой ткач. Оставьте в покое этого старого хрыча! У него на чердаке что-то не ладно.

Второй молодой ткач. Он маленько свихнулся.

Готлиб (*незаметно пробравшийся в толпу, хватаят говорившего за шиворот*). Как ты смеешь так со стариком разговаривать?

Первый молодой ткач. Пошел ты к черту, я ничего ху-

дого не сказал.

Старый Хильзе (*увещательным тоном*). Пусть его болтает. Не трогай его, Готлиб. Он скоро и сам поймет, кто из нас с ума спятил – он или я.

Бекер. А ты пойдешь с нами, Готлиб?

Старый Хильзе. Ну, этого он не сделает.

Луиза (*вбегают в сени и через дверь кричит в комнату*). Чего вы тут толчетесь? Только время теряете с этими святошами! Идите на площадь! Скорее выходите на площадь! Крестный Баумерт, беги туда что есть силы! Офицер на площади держит речь к народу... уговаривает наших разойтись по домам. Если вы сейчас не придете, наше дело пропало!

Иегер (*уходя*). Ну, и муженек у тебя – храбрец, нечего сказать!

Луиза. Мой муженек? Нет у меня никакого мужа!

В сенях кто-то поет:

Жил да был человек, маленький-маленький.

Эх-эх-эх-эх-эх!

И захотел он жениться на бабе, большой-пребольшой!

Дидл-дидл-дим-дим-хэ-хэ-хэ!

Старый Виттих (*спускается с чердачной лестницы с ведром в руках. На мгновение останавливается в сенях*). Вперед все, кто не собаки, вперед! Урр-а-а-а!!! (*Он убегает.*)

Несколько ткачей, в том числе Луиза и Иегер, бегут за ним с криками «ура!».

Бекер. Доброго здоровья, дядя Хильзе! Мы еще с тобой поговорим!

Старый Хильзе. Ну, это навряд ли. Мне пяти лет не прожить. А раньше этого тебя не выпустят.

Бекер (*останавливается с удивлением*). Откуда не выпустят, дядя Хильзе?

Старый Хильзе. Из тюрьмы, разумеется! А то откуда же?

Бекер (*грубо хохочет*). Да я бы там посидел с радостью. Там хоть досыта хлеба поешь, дядя Хильзе! (*Уходит.*)

Старый Баумерт (*сидевший до этого времени на скамейке в тупом раздумье, теперь встает*). Правда твоя, Густав, я маленько выпимши. Но голова у меня все-таки действует. Ты рассуждаешь на свой образец, а я на свой. Вот я и говорю: Бекер правду сказал: если нынешнее дело кончится кандалами да веревками – все же в тюрьме лучше, чем дома. Живи себе там на всем готовом и ни о чем не заботься. Я бы с радостью остался дома и не пошел с ними. Но рассуди сам, Густав: ведь должен же человек хоть раз в жизни подышать вольным воздухом. (*Медленно идет к двери.*) Прощай, Густав! Если со мной что случится, помолись за меня, брат. Слышишь? (*Уходит.*)

На сцене не остается ни одного ткача из числа составивших. Сени понемногу снова наполняются любопытными жильцами. Старый Хильзе опять принимается за натягиванье основы. Готлиб вытаскивает из печки топор и машинально пробует лезвие. И старик, как и Готлиб, в большом волнении, но оба молчат. Снаружи доносится ропот и гул большой толпы.

Старуха Хильзе. Скажи мне, отец, – полы как будто дрожат... И что там такое делается? А дальше-то что будет?

Молчание.

Старый Хильзе. Готлиб!

Готлиб. Что тебе?

Старый Хильзе. Брось топор.

Готлиб. А кто же будет дрова колоть? (*Прислоняет топор к печи.*)

Молчание.

Старуха Хильзе. Готлиб, ты слушай, что отец-то тебе говорит.

Под окном чей-то голос поет:

«Эй, ты, малый, сиди-ка да посиживай дома!

Эх-эх-эх-эх-эх-эх!

И мой себе, промывай тарелки да миски!

Д идл-дидл-дим-дим-хэ-хэ-хэ!»

(Уходит.)

Готлиб *(вскакивает и грозит кулаком в окно)*. Эй ты, стерва! Лучше меня не зли!

Слышен ружейный залп.

Старуха Хильзе *(вздрагивает)*. О господа Иисусе! Неужто опять трон?

Старый Хильзе *(невольно складывает руки, как для молитвы)*. Господи боже наш, отец наш небесный! Защити, спаси и помилуй несчастных ткачей, моих горемычных братьев!

Короткая пауза. Молчание.

Старый Хильзе *(про себя, потрясенный)*. А ведь там уже льется кровь!

Готлиб *(вскакивает, когда раздается залп. Он бледен и едва владеет собой от глубокого внутреннего волнения)*. Неужто и теперь сидеть да ждать у моря погоды?

Девушка-ткачиха *(кричит из сеней в комнату)*. Дядя

Хильзе, дядя Хильзе! Уходите от окна! К нам на чердак пуля влетела. (*Исчезает.*)

Мильхен (*просовывает в окно свою голову и улыбается*). Дедушка, дедушка, они из ружей стреляют! Двое уже свалились! Один так и вертится волчком! А другой дрыгался, словно воробушек со свернутой головой! Ай-ай, а сколько кровя-то там натекло! (*Убегает.*)

Первая ткачиха (*в сенях*). Они несколько человек наших прикончили.

Старый ткач (*в сенях*). Вот посмотрите, они еще зададут солдатам!

Второй старый ткач (*растерянно*). Нет, вы только поглядите на баб-то, на баб-то поглядите! Захлещут они солдат своими подолами! Заплюют они солдат!

Ткачиха (*кричит через дверь*). Готлиб, ты на жену-то взгляни! Она посмелее тебя будет: так и скачет перед солдатами, словно под музыку танцует!

Четверо мужчин несут через сени раненого. Тишина. Явственно раздается чей-то голос: «Это ткач из Ульбриха».

Тот же голос (*через несколько минут снова*). Теперь уж ему крышка: пуля попала ему прямо в ухо.

Слышно, как раненого несут по деревянной лестнице. Снаружи вдруг раздается громкое «ура!».

Голоса (*в сенях*). И откуда они камней-то набрали? Ну, теперь спасайся кто может. Камни потаскали оттуда, где шоссе прокладывают. Ну, теперь солдатам плохо. Камни-то так и летят, что твой дождь.

Слышны крики ужаса и рев, которые все приближаются и доходит до сеней. Кто-то захлопывает дверь в сени с криком ужаса.

Голоса (*в сенях*). Они опять заряжают. Сейчас опять дадут залп. Дядя Хильзе, уходи же ты от окошка.

Готлиб. Что? что? что? Что мы им бешеные собаки, что ли? Порох да пули нам жрать вместо хлеба? (*Берет топор в руки, после короткого молчания обращается к старику.*) Смотреть мне, как жену расстреливать будут, что ли? Ну, нет, этому не бывать. (*Убегает.*)

Старый Хильзе. Готлиб! Готлиб!

Старуха Хильзе. Куда же пошел Готлиб?

Старый Хильзе. Прямо к черту.

Голос (*из сеней*). Да отодвинься ты от окошка, дядя Хильзе!

Старый Хильзе. Я ни за что не тронусь с места! Хоть бы вы все там с ума спятили. (*Обращается к старухе Хильзе с все возрастающим подъемом духа.*) Меня господь поставил на это место. Правду я говорю, мать? Мы с тобой должны

оставаться здесь, хоть бы там провалился весь мир! (*Снова принимается за работу.*)

Раздается оружейный залп. Смертельно раненный, старый Хильзе выпрямляется во весь рост и сразу валится вперед на ткацкий станок. В ту же самую минуту раздаются усиленные крики «ура!». С криками «ура!» люди из сеней также бросаются на улицу.

Старуха (*несколько раз повторяет вопросительным тоном*). Отец, а отец, что же это с тобой?

Несмолкаемые крики «ура!» все больше и больше удаляются. Вдруг Мильхен поспешно вбегает в комнату.

Мильхен. Дедушка, дедушка, они гонят солдат из деревни вон! Они разгромили Дитрихов дом, они там сделали то же самое, что и у Дрейсигера. Дедушка?! (*Дитя испуганно смолкает, внимательно всматривается, засовывает в рот палец и осторожно подходит к убитому.*) Дедушкаа, а дедушка?

Старуха Хильзе. Да полно же тебе молчать-то, сгарик! Скажи хоть слово. А то, право, даже жутко становится...

Конец